

МОЛЧАНИЕ ТВОРИТ ЧУДЕСА

МИРА РАНСКАЯ

Мира Ранская

Молчание творит чудеса

«Автор»

2026

Ранская М.

Молчание творит чудеса / М. Ранская — «Автор», 2026

Каждую осень город Ковчеги уходит от зимних провалов на девяти огромных колёсных платформах. Терен Верес зарабатывает тем, что разоблачает фальшивые чудеса, и уверен: всякая тайна служит обману. Но настоящий северный огонь не подчиняется его привычным проверкам. Он держится, пока человек, знающий точное действие и цену заклинания, сознательно молчит. Когда среди хранителей оказывается взрослая дочь Терена, проверяющий узнаёт настоящую плату за городскую защиту. Люди временно теряют право пользоваться собственными именами, а старший мастер Севран Доль тайно продлевает их сроки ради безопасности перехода. Полное разоблачение погасит огни и оставит город перед провалом без защиты. Молчание сохранит Ковчеги, но превратит хранителей в безымянные детали большого механизма. «Молчание творит чудеса» — самостоятельный фэнтезийный роман о проверяемой правде, цене спасения и праве человека отказаться даже от настоящего чуда.

© Ранская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Чудо с двойным дном	6
Глава 2. Город на девяти колёсах	14
Глава 3. Правда, которая гасит	23
Глава 4. Цех без вывески	36
Глава 5. Имя на один вечер	45
Глава 6. Ярмарка разоблачений	54
Глава 7. Кто платит молчанием	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мира Ранская

Молчание творит чудеса

От автора

Тайна бывает укрытием, товаром, оружием и правом человека не отвечать. Со стороны эти вещи легко перепутать: особенно если тот, кто требует правду, уверен в своей доброй цели.

Этот роман — о городе, где молчание в буквальном смысле поддерживает чудеса. Но прежде всего он о цене, которую нельзя считать добровольной только потому, что человек однажды согласился её платить. Здесь нет простого выбора между честностью и обманом. Иногда произнесённая правда спасает, иногда ломает необходимую опору, а иногда служит удобным оправданием для чужого допроса.

Мне хотелось рассказать о проверке, которая не превращается в охоту на человека, и о доверии, которое допускает вопрос, но не присваивает ответ. Поэтому самые важные чудеса этой книги будут держаться не на красивых формулах, а на границах между знанием, согласием и властью.

Глава 1. Чудо с двойным дном

Чудо продавали по два гроша за взгляд и по серебряному — за право поднести к нему ладонь.

К полудню перед полосатым шатром собралась такая очередь, что она перегородила весь Прощальный рынок. Возчики ругались, лошади шарахались от медных тарелок, которыми зазывала била над входом, а над головами покупателей висела стеклянная груша с белым огнём. Пламя не коптило, не дрожало на ветру и будто бы не нуждалось ни в масле, ни в фитиле.

Надпись на полотнище обещала больше: «Северный свет. Горит в воде. Лечит ночной страх. Одобрен цехом городских огней».

Последние четыре слова Терен Верес прочёл дважды.

— Значка нет, — сказала Рада Шелест у него за плечом.

— Потому и написали словами.

— А если значок внутри?

— Тогда хозяин покажет книгу заказов, пошлину и имя мастера.

Рада поправила на плече ящик с гирями. Она была весовщицей, но на городских проверках носила не только разновесы. В ящике лежали стеклянные трубки, медные щипцы, складная линейка, промасленные лоскуты и два одинаковых кувшина. Терен не раз говорил, что половину ярмарочных чудес можно закрыть одним её ящиком, а вторую — вопросом, кому выгодно, чтобы зритель смотрел вверх, пока у него режут кошель.

Сегодня кошельки не резали. Их принимали открыто.

У входа мальчишка в красном жилете собирал монеты в жестяную миску. Каждому, кто платил серебряный, он выдавал синюю ленту и предупреждал не касаться стекла. Люди входили группами по десять человек, а выходили возбуждённые, с мокрыми ладонями и рассказами о холодном пламени.

— Оно меня узнало, — сообщила старуха соседке. — Я руку справа поднесла, а оно туда потянулось.

— И не обожгло?

— Ладонь ледяная стала. Значит, правда северное.

Терен встал так, чтобы выходящие видели его медный служебный знак. Обычно одного этого хватало: восторг делался тише, свидетели вспоминали подробности, а хозяин чуда внезапно обнаруживал срочные дела за городской стеной. Но зазывала продолжала колотить в тарелки. Мальчишка только пересчитал монеты и крикнул очереди:

— Проверяющий тоже пришёл! Сейчас сам удостоверит!

По толпе прошёл одобрительный шум. Терен не любил, когда мошенник радовался проверке.

— Нас ждали, — сказала Рада.

— Или уверены, что мы увидим то же, что все.

— Это обычно и значит, что нас ждали.

Она поставила ящик на землю и, не спрашивая, пересчитала людей, работавших у шатра. Мальчишка, зазывала, двое плечистых слугителей у оттянутых верёвок. Ещё один мужчина продавал у задней стенки маленькие запаянные склянки с надписью «капля северного света». Слишком много работников для одного фонаря, если только деньги не текли быстрее, чем казалось.

Терен обошёл очередь. Шатёр стоял на досках, хотя земля рынка после ночного дождя была твёрдой. Под задним краем полотнища виднелись свежие следы полозьев. Значит, сооружение привезли целиком, а не ставили на месте. От печной трубы отказались, зато по нижнему шву шёл незаметный зазор шириной в палец.

Хозяин встретил их внутри.

Гран Ловчий выглядел не как чудотворец, а как человек, который нанимает чудотворцев за дневную плату. Невысокий, гладко выбритый, в сером кафтане без единой блестящей пуговицы. Только руки выдавали ярмарку: на каждом пальце по тонкому кольцу, а ногти покрыты прозрачным лаком, чтобы публика замечала жесты.

— Терен Верес, — произнёс он с таким удовольствием, словно объявлял главный номер. — Наконец-то город прислал человека, который умеет отличать ремесло от наговора.

— Город прислал меня отличить товар от обмана.

— Ещё лучше. Гран Ловчий, владелец артели «Белая искра». Все бумаги готовы.

Он протянул папку. В ней лежали разрешение на торговое место, свидетельство об уплате пошлины и заключение лекаря, что краткое охлаждение ладони не причиняет вреда здоровому человеку. Разрешения от цеха городских огней не было.

— На вывеске написано, что цех одобрил свет, — сказал Терен.

— Не фонарь. Свет. Разве наши улицы освещают не цеховые огни? Горожане их одобряют, совет одобряет, следовательно, цех тоже не может возражать против самого света.

— Может. И будет.

— Тогда закрасим четыре слова. Вы ведь пришли не за словами?

Терен посмотрел на стеклянную грушу.

Внутри горел белый язычок, короткий и плотный. Он не касался дна. Под ним виднелась пустота, а выше — тонкий венец синевы. Фонарь висел на трёх цепочках под самым куполом шатра. Вокруг него был устроен круглый помост, на который по очереди поднимались зрители. Девушка в белых перчатках брала их за запястье и медленно подводила ладонь к стеклу. Пламя тянулось следом за рукой.

Терен дождался конца показа.

— Снимите фонарь.

Гран улыбнулся:

— Чудо портится от грубого обращения.

— Тогда оно портится сейчас или изымается целиком вместе с шатром.

Улыбка осталась, но два служителя у верёвок перестали изображать равнодушие. Гран поднял ладонь, удерживая их на месте.

— Снимайте, — велел он. — Только свидетелей оставим. Мне потом не говорили, будто проверяющий разбил стекло и нашёл в осколках собственное неверие.

Очередь охотно стала свидетелями. В шатёр набилось человек сорок. Рада открыла боковые пологи, чтобы люди не задохнулись, и попросила двух торговок встать у помоста. Терен выбрал их потому, что одна только что заплатила за показ, а вторая громко называла Грана жуликом. Свидетели, согласные друг с другом заранее, годились хуже весов с подпиленной чашей.

Фонарь опустили на цепи. Терен не прикоснулся к нему сразу. Сначала обошёл вокруг. На медном ободе не было цехового клейма. Стекло отливало зеленоватым, старым и неровным, с пузырьками воздуха. Дно казалось прозрачным, однако стояло в медном кольце толщиной в два пальца.

— Воду, — сказал он.

Девушка в перчатках принесла широкий таз. Гран сам налил воду из кувшина, опустил фонарь и показал раскрытые ладони. Белое пламя продолжало гореть под водой.

Толпа ахнула, хотя уже видела это за деньги.

Терен наклонился. От медного кольца поднялись три мелких пузырька. Не от пламени — от края. Он подождал. Пузырьки больше не появлялись.

— Другой кувшин, — попросила Рада.

Гран впервые взглянул на неё внимательно.

— Вода одна и та же.

— Потому другой кувшин и нужен.

Она достала из ящика свой, дала торговкам понюхать и попробовать воду, затем наполнила чистый таз. Фонарь перенесли туда. Пламя не погасло.

— Убедились? — спросил Гран.

— В том, что горючее внутри, — ответил Терен. — Вы и не обещали, что оно снаружи.

Он велел вынуть фонарь и вытереть дно. Затем поднёс к медному кольцу тонкую полоску бумаги. Она прилипла у одного из завитков.

— Смола? — спросила Рада.

— Магнит.

Терен провёл полоской по кругу, отмечая место. Потом взял щипцы, зажал завиток и повернул. С первого раза тот не поддался. Гран сложил руки на груди. На втором повороте послышался сухой щелчок, и нижний обод отделился от стекла.

Из двойного дна выпала плоская железная коробочка. В ней лежала белая крупка, проложенная мокрым войлоком, а к центру тянулась тончайшая трубка. Воздух поступал через отверстия в узор медного кольца. То, что зрители принимали за пламя, было холодным свечением смеси.

— И как оно тянется за рукой? — спросила торговка, прежде называвшая Грана жуликом.

— Девушка держит вас за запястье, — сказал Терен. — На её кольцо магнит. Под фонарём железная пластинка с трубкой. Куда она ведёт рукой, туда сдвигается подача воздуха. Свет ярче с нужной стороны.

Девушка быстро сняла перчатки. На среднем пальце блеснуло широкое кольцо.

Вторая торговка, та, что платила за показ, нахмурилась:

— А холод? Я сама чувствовала.

Рада вытащила из рукава девушки маленькую грушу из рыбьего пузыря.

— Через иглу в перчатке на ладонь попадает спирт. Он быстро сохнет и забирает тепло.

Руку правда холодит, только чудо здесь ни при чём.

Мальчишка у входа перестал собирать деньги. Очередь рассыпалась. Кто-то потребовал вернуть два гроша, кто-то серебряный, а один возчик заявил, что ночного страха у него не было до тех пор, пока он не увидел цены на склянки.

Гран не спорил. Он даже помог поставить фонарь на помост.

— Прекрасно, — сказал он. — Чисто, понятно, без истерики. За это вас и любят.

— Меня не любят.

— Тогда уважают. Это дороже.

Терен записал устройство подделки на восковой дощечке. Рада тем временем вскрыла одну из склянок с «каплей северного света». Внутри оказалась вода с мелкой слюдой. Вреда не было, если не пить. На этикетке мелкими буквами значилось: «для созерцания». Гран предусмотрел почти всё.

— Деньги за показ вернуть, — сказал Терен. — Склянки снять с продажи. Вывеску отдать городскому писцу как доказательство ложного одобрения. До решения суда шатёр закрыт.

— Почему закрыт, если устройство безопасно и вы его уже объяснили?

— Потому что вы брали деньги не за устройство.

— Люди платили за удивление. Они его получили.

— Они платили за чудо.

— А есть разница, если страх прошёл?

Терен поднял голову. Гран говорил достаточно громко, чтобы его слышали оставшиеся покупатели. Это тоже было частью номера: поставить проверяющего перед вопросом, на который любой короткий ответ покажется мелочным.

— Есть, — сказал Терен. — Когда человек знает, что купил представление, он решает, стоят ли два гроша его удовольствия. Когда ему обещают силу, которой нет, за него решают обманом. Закрывайте.

Гран поклонился публике.

— Вы слышали господина Вереса. Сегодня удивление бесплатно.

Служители принялись сворачивать передний полог. Люди ещё шумели, требуя монеты, но злость уже смешалась со смехом. Разоблачённое чудо стало второй забавой, и Гран каким-то образом оставался хозяином обеих.

Терен вышел через задний проём. Ему не нравились мошенники, которые проигрывали с удовольствием. Обычный торговец спорил из-за каждой монеты, винил помощника, грозил знакомством с советником. Гран потерял дневную выручку и шатёр, однако выглядел человеком, получившим именно тот ответ, который хотел.

За шатром тянулся ряд телег. На одной лежали доски помоста, на другой — запасные стеклянные груши. Третья была почти пуста. В дальнем углу, накрытый грубой рогожей, стоял небольшой фонарь.

Терен увидел свет сквозь дырку в ткани.

Не белый, как в шатре. Янтарный, слабый, похожий на огонь в доме, где все уже легли, но кто-то ждёт опоздавшего.

— Этот тоже изымается, — сказал он.

Гран, шедший следом, остановился.

Всего на один шаг. Но впервые за весь день остановился не для публики.

— Он не мой.

— На вашей телеге.

— Телега наёмная. Фонарь оставил возчик.

Рада подошла сбоку. Она не смотрела на Грана, только на рогожу.

— Как зовут возчика?

— Не спросил.

— У вас записаны имена всех, кто таскает верёвки, — сказала она. — Иначе артель не выплатит им долю. А человека с телегой вы не спросили?

Гран снял одно из колец и покрутил между пальцами.

— Назвался Дымом.

— Имя, — потребовал Терен.

— Это всё, что он сказал.

За стеной шатра люди скандировали: «Деньги! Деньги!» Служители открыли кассу. Звон мелочи заглушил скрип колёс на соседней улице.

Терен откинул рогожу.

Фонарь оказался старше ярмарочной поделки. Шесть граней мутного стекла, медная крыша, ручка, обёрнутая потемневшей кожей. Внутри горел обычный на вид фитиль. Только масла не было. Терен поднял фонарь до уровня глаз и медленно наклонил. Пламя осталось вертикальным. В пустом резервуаре ничего не плеснуло.

— Двойное дно, — сказал Гран слишком быстро.

— Конечно.

Терен поставил фонарь на край телеги. Нашёл защёлку, отделил нижнюю чашу. Под ней не было ни коробочки, ни крупки, ни скрытой трубки. Он простучал обод рукоятью шипцов. Звук везде был одинаковым.

Рада закрыла ладонями две стороны фонаря. Пламя не изменилось. Закрыла ещё две. Потом все щели у крыши. Огонь продолжал гореть ровно.

— Может, воздуха внутри хватает, — сказала она.

— На минуту хватит.

Терен засёк время по рыночным часам. Они ждали. Гран стоял рядом молча. Через три минуты пламя не уменьшилось. Через пять стекло оставалось холодным. Через десять Рада убрала руки и понюхала пальцы.

— Ни масла, ни спирта, ни фосфорной смеси.

Терен вытащил из ящика тонкую спицу и осторожно ввёл её через отверстие для фитиля. Спица прошла до дна. Он вынул её чистой. Фитиль был сухим и холодным в том месте, где должен был обуглиться.

— В воду? — спросила Рада.

Гран резко надел кольцо.

— Не надо.

Терен посмотрел на него.

— Почему?

— Старый металл. Потечёт.

— Минуту назад вы считали его вещью неизвестного возчика.

— А теперь вижу, что вещь хорошая.

Это была первая настоящая ошибка Грана. Не доказательство, но трещина. Терен взял свой кувшин, налил воду в чистый таз и опустил фонарь до крыши.

Янтарное пламя не погасло.

Оно не стало ярче для зрителей, не потянулось к руке, не окрасило воду. Просто продолжало гореть там, где огню гореть было нечем.

Терен почувствовал знакомое упрямство. Оно приходило всякий раз, когда устройство ещё не открылось. Мир не обязан был быть простым, но обязан был оставлять следы. Если есть свет, что-то меняется: тратится вещество, нагревается стекло, тускнеет отражатель, устаёт человек, вращающий скрытое колесо. Чудом мошенники называли место, на которое просили не смотреть. Работа Терена состояла в том, чтобы посмотреть именно туда.

Он вытащил фонарь из воды и насухо вытер. Проверил заклёпки. Снял крышу. Вынул фитиль целиком: короткий шнур лежал в гнезде и светился на конце, хотя не горел. Терен прижал светящийся конец мокрой тряпкой. Янтарная точка проступила с другой стороны ткани. Он накрыл её медным колпачком. Свет остался внутри, видимый по тонкой щели.

— Кто сделал фонарь? — спросил он.

Гран смотрел не на него, а на пламя.

— Не знаю.

— Кто принёс?

— Дым.

— Где он?

— Ушёл.

— Зачем оставил вещь?

Гран открыл рот, но не ответил.

Терен повторил вопрос. Мошенник мог лгать легко, даже изящно. Мог придумать возчика, долг, залог, случайную находку. Вместо этого он молчал. Не как обвиняемый, решивший воспользоваться правом не говорить. Его молчание было работой. На виске выступила жилка, пальцы сжали кольцо, плечи напряглись, будто он удерживал тяжёлую дверь.

Янтарный свет сделался ровнее.

Рада тоже это заметила. Она перестала складывать инструменты.

— Гран, — сказала она негромко. — Этот фонарь опасен?

Он перевёл взгляд на неё.

— Нет.

Ответ дался ему легко. Свет не изменился.

— Он принадлежит цеху?

— Я не видел клейма.

Уклонение. Тоже лёгкое.

— Что заставляет его гореть? — спросил Терен.

Гран побледнел.

Пламя вытянулось на толщину ногтя.

Вокруг телеги не было публики, но шум рынка словно отступил. Терен слышал капли, падавшие с мокрого фонаря на доски, дыхание Рады и скрип кожи на пальцах Грана. Ответ находился здесь — не в двойном дне, а в человеке. Терен ещё не понимал устройства, но видел след: вопрос изменил не рассказ, а сам свет.

— Что заставляет его гореть? — повторил он.

— Вы умеете останавливаться? — спросил Гран.

— Когда проверка закончена.

— Нет. Когда вещь работает и никому не вредит.

— Вы сказали, что она не ваша. Почему вы её защищаете?

Гран провёл языком по губам. Пламя ещё немного поднялось. Теперь оно касалось верхней перекладины, но медь не нагревалась.

— Потому что вы ломаете её объяснением.

Терен ждал продолжения.

Гран зажмурился, будто уже сказал лишнее. Огонь дёрнулся и на миг стал тонким, почти невидимым. Затем снова налился янтарём.

— Объяснение не ломает вещь, — сказал Терен. — Вещь либо устроена так, как устроена, либо нет.

— Ваш фонарь в шатре был устроен именно так, как вы показали. И теперь он никому не нужен.

— Он нужен суду.

— Железо осталось тем же. Чудо исчезло.

— Там не было чуда.

— Для вас.

Терен сдержал раздражение. Гран пытался увести разговор в знакомую сторону: что важнее, устройство или впечатление; кто имеет право отнимать у людей красивый обман. Только сейчас привычная ловкость звучала натянуто. Он выигрывал время.

Рада взяла пустой резервуар, взвесила на ладони и сказала:

— Мы заберём фонарь в проверочную палату. Без повреждений. Получите расписку.

— Нет.

— Тогда назовите владельца.

— Не могу.

— Не хотите, — поправил Терен.

Гран посмотрел ему прямо в глаза.

— Именно.

На этот раз свет вспыхнул так ярко, что все трое отшатнулись. Не жаром — его не было, — а внезапностью. На мокрой меди проступили девять крошечных рисок. Раньше Терен принял их за царапины. Теперь каждая светилась изнутри.

Он протянул руку к фонарю.

Из-под телеги выкатился деревянный клин.

Тяжёлая повозка качнулась. Рада успела отступить, а Терен ударился плечом о борт. Фонарь скользнул по доске. Гран бросился вперёд и поймал его за ручку. В тот же миг с передней стороны шатра прорвался мальчишка в красном жилете.

— Господин Ловчий! Там драка из-за серебра!

За ним уже бежали двое покупателей. Один размахивал пустой миской, другой тащил служителя за рукав. Гран прижал фонарь к груди.

— Ваши люди, — сказал Терен. — Пусть остановят.

— Они возвращают деньги.

— Тогда вы останетесь здесь.

Но толпа обогнула шатёр сразу с двух сторон. Кто-то увидел Грана и закричал. Мальчишка нырнул под телегу, служитель заслонил хозяина, Рада схватила ящик. На несколько ударов сердца между Тереном и янтарным светом оказалось пять чужих спин.

Терен пробился к телеге. Грана рядом не было.

Он увидел серый кафтан у соседнего ряда, затем кольца блеснули над бочками. Гран бежал не к воротам рынка, где его остановила бы стража, а к складам разобранных домов. Фонарь качался в его руке, и пламя не дрожало.

— Стой! — крикнул Терен.

Гран оглянулся.

В этот миг между ними проехала длинная платформа с колёсной осью. Десяток рабочих катил её к северной сборочной площади, налегая на рычаги. Ковчеги готовились к осеннему ходу: город снимал ставни, нумеровал балки, проверял колёса и каждый день становился чуть менее похож на место, которое намерено остаться.

Когда платформа прошла, серого кафтана уже не было.

Терен добежал до складов. Три прохода, шесть открытых дверей, лестница на крышу. Он выбрал средний проход по мокрым следам, но следы принадлежали грузчику в деревянных башмаках. У задней стены нашёлся выход на Канатную улицу. Дальше шли сотни людей, повозок и разобранных фасадов.

Рада догнала его, тяжело дыша.

— Стражу послала к воротам. Хотя он, скорее всего, не выйдет.

— Не выйдет.

— Ты ранен?

Терен ощупал плечо. Кафтан порвался, кожа саднила, кость была цела.

— Нет.

— Тогда признай, что мы только что видели.

— Фонарь с неустановленным источником света.

— Он стал ярче, когда Гран отказался отвечать.

— Он мог нажать пружину.

— Чем? Обе руки были видны.

— Кольцом. Ногой. Голосом. Мог быть второй человек под телегой — клин сам не выкачивается.

— И второй человек устроил так, чтобы сухой фитиль светился под водой?

Терен посмотрел назад. Над шатром колыхалась вывеска с обещанием северного света. Под ней люди получали свои монеты, пересчитывали их и расходились. Поддельное чудо было разобрано до последней трубки. Настоящее — если он соглашался назвать его настоящим — ушло в руке мошенника, который боялся не изъятия, а объяснения.

— Мы не знаем, что видели, — сказал он.

— Поэтому и проверяем.

— Проверяем предмет. Предмета нет.

— Есть человек.

— Который лжёт.

— О поддельном фонаре он лгал без запинки. О владельце этого предпочёл молчать.

Терен достал восковую дощечку. На ней были записаны состав белой крупки, устройство двойного дна, имя Грана и решение о закрытии. Ни одной строки о янтарном огне.

Он перевернул дощечку и написал на обороте: «Старый шестигранный фонарь. Девять рисков. Горит без видимого топлива, под водой, без нагрева. Свет усилился после сознательного отказа владельца сведений отвечать на вопрос об устройстве».

Последние слова он стёр большим пальцем. Написал снова: «после вопроса».

Рада прочла через плечо.

— Боишься записать связь?

— Связь надо повторить.

— Для этого нужен фонарь.

— Для этого нужен Гран.

С рынка донёлся звон часового колокола. Через шесть недель этот колокол должны были снять с башни, уложить в войлок и перевезти вместе с северным кварталом. До первого заморозка город обязан был уйти с нынешнего места. У проверочной палаты имелся длинный список: фальшивые облегчители колёс, верёвки якобы небывалой прочности, мази от страха перед провалами. Терен рассчитывал закончить с «Белой искрой» до обеда и перейти к складу осей.

Вместо этого у него был сбежавший мошенник и свет, который словно питался отказом назвать правду.

— В цех? — спросила Рада.

Терен взглянул на девять рисков, нарисованных им рядом с записью. Девять кварталов. Это могло быть совпадением, украшением, меткой литейщика. В Ковчехах девятку ставили на всём: на городских печатях, на мерах зерна, на свадебных лентах. Но Гран испугался не служебного знака и не суда. Он испугался вопроса.

— Сначала закончим здесь, — сказал Терен. — Опишем изъятое. Возьмём имена всех работников. Узнаем, кто нанял телегу.

— А потом?

— Потом спросим цех, почему на чужом фонаре девять огней.

Они вернулись к шатру. Белая крупка в разобранном двойном дне уже тускнела, потому что Рада перекрыла воздух. Люди видели её, понимали устройство и всё равно задерживались перед уходом, словно надеялись, что объяснённый свет в последний миг совершит хоть что-нибудь невозможное.

Терен закрыл железную коробочку крышкой.

Белое сияние исчезло сразу.

На обороте восковой дощечки девять нацарапанных рисков ещё долго казались ему светлыми.

Глава 2. Город на девяти колёсах

Утром северный квартал подняли на домкратах, и весь дом Терена накренился к востоку.

Чашка медленно поехала по столу. Терен поймал её у края, допил холодный чай и поставил в мойку, где вода уже стояла косым блестящим треугольником. За стеной соседка бранила подъёмщиков. С улицы ей отвечали, что дом не накренился, а всего лишь вспоминает дорогу.

Ковчег вспоминали дорогу каждую осень. Сначала снимали тяжёлые ворота и ставни, потом связывали печные трубы железными поясами, опускали мостки между домами. Под улицами открывали люки, куда весной никто не заглядывал, и смазывали оси так щедро, что весь город пах салом, дёгтем и мокрым железом. Через шесть недель девять кварталов должны были сойти со своих каменных пятов и двинуться к новой зимней стоянке.

Терен вышел на крыльцо в тот момент, когда бригадир велел опустить левый домкрат на два зубца.

Дом вздохнул брёвнами и вернулся почти на место.

— Почти считается? — спросил Терен.

Бригадир Орса сняла рукавицу зубами. На её лбу была проведена синяя черта — знак людей, работавших под поднятыми зданиями.

— До полудня считается. После полудня выставим по уровню.

— А ночью?

— Ночью ты спишь, а не катаешь по столу чашки.

— Сегодня не спал.

— Это не дом виноват.

Орса снова натянула рукавицу и крикнула рабочим, чтобы ставили страховочные клетки. Под домом виднелись три огромных колеса: два с внешней стороны и одно ближе к середине квартальной платформы. Самых платформ было девять, по одной на квартал, но дети называли Ковчег городом на девяти колёсах. Взрослые не исправляли. Настоящее число колёс менялось после каждого перехода, а девять оставалось числом понятным и удобным.

На противоположной стороне улицы мальчик мелом писал на стене номера брёвен. Его мать выносила из дома глиняные горшки и укладывала в солому. До движения оставалось шесть недель, но горожане знали: если начать собираться в последний день, дорога непременно заберёт что-нибудь нужное. Обычно забирала именно то, что не успели подписать.

Терен закинул ремень служебной сумки на здоровое плечо. Ушиб после рынка ныл, особенно когда он поднимал руку. Рада вечером велела приложить холод, но он заполнял опись изъятых и забыл. Из работников Грана двое называли себя и места ночлега, трое исчезли вместе с хозяином. Телегу нанимали за наличные через мальчишку, которого никто будто бы не знал. Фонарь в опись не попал, осталась только запись на обороте дощечки.

Девять рисок.

Терен запер дверь и спустился на улицу.

— Когда будете проверять северную сцепку? — спросила Орса.

— Сегодня оси, завтра страховочные цепи. Сцепка в конце недели.

— Цех говорит, их огонь уже проверен.

— Цех проверяет огонь. Я проверяю, не продают ли нам под его именем плохое железо.

— Вот потому тебя и любят, — сказала Орса.

Вчера те же слова произнёс Гран.

Терен хотел спросить, не сговорился ли с ним весь город, но Орса уже полезла под дом. Он пошёл к сборочной площади пешком, хотя мог сесть на утреннюю телегу. Улицы менялись быстрее, чем их успевали запоминать. Мостовую разбирали полосами, булыжник грузили в

ящики. Лавочники снимали вывески. Между двумя домами уже не было привычной арки, зато за ней открылся вид на огромный деревянный край платформы, окованный полосами меди.

Под платформой работали колёсные мастера. Они лежали на спинах, слушали оси через длинные деревянные трубки и отмечали мелом трещины. Над ними висели клетки из толстых брусьев. Если домкрат сорвётся, клетка примет вес на себя. Ни одно заклинание не заменяло этих брусьев.

На сборочной площади Рада ждала возле весового навеса. Рядом с ней стояли три бочки и сердитый человек в зелёной шапке.

— Ты опоздал, — сказала она.

— Дом решил уйти без меня.

— Отговорка хорошая. Запиши, пригодится зимой.

Человек в зелёной шапке не оценил шутку.

— Господин проверяющий, мои бочки держат двести пудов каждая. У меня заказ совета. Если ваша весовщица продолжит выливать воду, мы не закончим до темноты.

— Если ваши бочки держат двести пудов, вода им не повредит.

— Они для сухого груза.

— Тогда почему на клейме нарисована волна?

Рада молча указала на синюю отметку под обручем. Купец выругался. Терен оставил её разбираться с бочками и прошёл к осевому двору.

Там лежали детали, способные придавить дом: железные шкворни, дубовые ступицы, цепи с кольцами величиной с тарелку. На каждой висела бирка с именем кузнеца и датой испытания. В середине двора на низких козлах покоилась новая ось северной платформы.

Её называли новой из вежливости. Железный сердечник служил двенадцать переходов, дубовая оболочка — четыре. В этом году заменили две полосы и заново обтянули обручи. Над осью висело устройство, обещавшее уменьшить её вес при первом подъёме: медный фонарь в защитной решётке.

Терен остановился.

Фонарь был крупнее того, что унёс Гран, и имел круглое стекло. Но на нижнем ободе шли девять насечек.

— Не трогай, — сказал мастер осевого двора.

Терен узнал его по голосу. Корн Завея, седой кузнец с руками, которые даже после мытья оставались серыми. Он стоял у горна и держал раскалённое кольцо длинными клещами.

— Я ещё ничего не тронул.

— Ты смотришь так, будто уже разобрал.

— Кто поставил фонарь?

— Цех.

— Когда?

— До рассвета.

— Имя мастера?

Корн опустил кольцо в песок.

— В книге.

Книга лежала на конторке. Записи о железе занимали по полстраницы: вес, местоковки, примеси, имена троих свидетелей. Напротив фонаря стояло только: «Северный огонь принят до перехода». Ни имени, ни клейма.

— Кто принял?

— Я.

— От кого?

— От цеха.

— У цеха есть люди.

— Были в серых накидках.

— Сколько?

— Двое.

— Мужчины, женщины?

Корн взял щётку и начал счищать окалину с кольца.

— Один выше, другой ниже.

— Ты принимаешь деталь, которая должна облегчить ось под жилыми домами, у двух безымянных людей?

— Ось держит железо. Огонь помогает её поднять.

— Насколько?

— Достаточно.

— Чем измеряли?

Корн бросил щётку.

— Послушай, Верес. Я позволю тебе пилить дуб, звенеть по обручам и считать заклёпки.

Увидишь трещину — заменю всю полосу. Но к огню не лезь. Он не твоя часть работы.

— Всё, что меняет вес оси, — моя часть.

— Тогда вызови цехового мастера и спорь с ним.

— Уже собирался.

Терен переписал запись из книги. Фонарь горел бледно-жёлтым светом, хотя на дворе было ясно. Внутри виднелся фитиль, опущенный в непрозрачную медную чашу. Можно было спрятать масло. Можно было провести трубку по подвесу в балку навеса. Но девять насечек не давали ему начать с обычного объяснения.

Он обошёл ось. На земле стояли два мерных столба с зарубками. Между ними лежала подъёмная рама, к которой крепились весовые коромысла.

— Покажите вчерашнее испытание, — сказал Терен.

Корн шумно выдохнул, но позвал рабочих.

Ось подвесили к раме на четырёх цепях. Под каждое коромысло поставили груз. Терен осмотрел узлы, сверил гири Рады с дворовыми, велел заменить одну стёртую серьгу. Когда всё было готово, четверо рабочих налегли на ворот. Цепи натянулись. Ось оторвалась от козел на толщину пальца.

— Вес совпадает с книгой, — сказала подошедшая Рада.

— Огонь работал? — спросил Терен.

— Он горел.

— Это не ответ.

Рада посмотрела на фонарь, затем на Корна.

— Как его включают?

Кузнец нахмурился.

— Он уже включён.

— Значит, ось сейчас легче?

— Должна быть.

— Насколько?

Ответа снова не было.

Терен велел опустить ось. Потом снял с пояса собственную гирию и поставил на край коромысла.

— Повторим без фонаря.

— Нет, — сказал Корн.

— Почему?

— Его нельзя гасить.

— Я не предлагаю гасить. Отнесём на десять шагов.

— Нельзя снимать до перехода.

— Почему?

Корн отвернулся к горну.

Терен почувствовал, как внутри поднимается вчерашнее упрямство. Та же лестница вопросов: кто принёс, как работает, почему нельзя объяснить. И тот же обрыв перед последней ступенью.

— Ты знаешь? — спросил он.

— Что?

— Почему фонарь нельзя снимать.

— Потому что цех так велел.

— Это причина послушаться. Я спрашиваю причину запрета.

— Не знаю.

Свет не изменился.

Терен смотрел на пламя, пока глаза не начали слезиться. Корн мог говорить правду. Незнание не делало огонь ярче, в отличие от молчания Грана. Или вчерашняя вспышка была фокусом, а сегодня он пытался найти закон там, где имелись лишь две похожие царапины.

— Кто из цеха знает? — спросила Рада.

Корн ткнул щёткой в сторону северной башни.

— Огневики сегодня там. Ставят лестничные светильники.

Терен записал отказ от повторного испытания и велел не поднимать платформу до возвращения. Корн прочёл распоряжение, поставил отпечаток большого пальца и сказал:

— Если из-за тебя мы потеряем день, твой дом поедет последним.

— Тогда соседка наконец перестанет жаловаться на наклон.

Северная башня стояла у края квартала, уже отделённого от земли широким рвом. Весной ров служил водостоком. Теперь рабочие углубили его, обнажая каменные опоры и колёсные тележки. Перейти можно было по трём мосткам. Над каждым висела доска: «Не больше пяти человек».

Терен дождался, пока с мостка сойдут шестеро рабочих, и только потом ступил на него.

— Тебя это никогда не утомляет? — спросила Рада.

— Что?

— Видеть надпись и считать головы.

— Утомляет видеть, что тот, кто повесил надпись, не считает.

Под мостком пахло сырой землёй. На дне рва лежали старые монеты, детская деревянная лошадка, ключ без замка. Вещи, потерянные за год, открывались только перед уходом города. Рабочие складывали находки в корзину у караульной будки. Если хозяин не объявлялся до перехода, мелочь шла в общую кассу, игрушки отдавали детям на новой стоянке.

На другой стороне башню охватывали леса. Цеховые ученики крепили вдоль лестницы маленькие медные чаши. Когда квартал тронется, башня станет передним наблюдательным местом. Обычные свечи там гасли от ветра, поэтому цех ставил огни, которые обещали гореть при любой качке.

Терен поднял голову и увидел Наю на третьем ярусе.

Она сидела верхом на балке, придерживая коленом медный провод. Волосы были спрятаны под кожаный платок, на рукавах — тёмные пятна от масла. Она смеялась над чем-то, сказанным вторым учеником, и не заметила отца.

Терен остановился. Рада едва не врезалась ему в спину.

— Что?

— Ничего.

Ная воткнула отвёртку за пояс, спустилась на один пролёт и ловко перешла на внешнюю лестницу. В детстве она боялась высоты. Терен помнил, как нёс её с пожарной вышки, пока

она цеплялась за его ворот и обещала никогда больше не подниматься выше табурета. Теперь под ней был открытый ров, а страховочную верёвку она держала так свободно, будто гуляла по ровной улице.

— Верес! — крикнул мастер снизу. — Если по делу, не стойте под инструментами.

Ная услышала фамилию и посмотрела вниз.

Улыбка исчезла не сразу, но Терен успел это заметить.

Она спустилась через несколько минут. Не торопилась и не оправдывалась. На груди у неё висел цеховой жетон, которого Терен прежде не видел: медный круг, перечёркнутый узкой серебряной полосой.

— Ты ушиб плечо, — сказала Ная вместо приветствия.

— Откуда знаешь?

— Держишь сумку слева.

— Пустяки.

— Тогда зачем пришёл?

— По работе.

— Конечно.

Она сняла перчатки. На пальцах были свежие порезы от медной оплётки. Терен удержался от вопроса, обработала ли она их. Ная жила отдельно уже два года и умела промывать порезы без отцовского надзора. Он знал это, но знание не помогало.

— На осевом дворе поставили северный огонь, — сказал он. — Без имени мастера и измерения действия.

— Измерение есть у цеха.

— В дворовой книге его нет.

— Потому что дворовая книга про железо.

— Железо под огнём становится легче.

— На первом подъёме.

— Насколько?

Ная оглянулась на леса. Мастер разговаривал с Радой и делал вид, что не слушает.

— Достаточно, чтобы снять рывок с передней пары колёс.

— Это слова Корна. Число?

— Я не проводила испытание.

— Кто проводил?

— Старшие.

— Кто поставил фонарь до рассвета?

— Не знаю.

Светильники на лестнице ещё не горели. Терен не мог наблюдать за пламенем, проверяя её ответы. От этой мысли ему стало неприятно. Он говорил с дочерью, а искал рядом прибор.

Ная заметила его взгляд.

— Что ты высматриваешь?

— Девять рисок на фонаре.

Её пальцы замерли на пряжке перчатки.

— И что?

— Вчера видел другой. Меньше. Он горел без масла, под водой и не нагревался.

— Бывают хорошо закрытые чаши.

— Я вынул фитиль.

— Тогда зачем спрашиваешь меня, если всё уже решил?

— Я ничего не решил. Владелец отказался объяснять устройство, и свет стал ярче.

Ная медленно надела перчатку.

— Владелец?

— Гран Ловчий.

— Он не владелец.

Слова прозвучали слишком быстро.

— Откуда ты знаешь?

— У Грана нет настоящих огней.

— Значит, это был настоящий?

— Я сказала не это.

— Ты сказала достаточно.

Ная дёрнула застёжку так сильно, что кожа хрустнула.

— Вот поэтому с тобой невозможно говорить. Ты спрашиваешь, а потом объявляешь, что получил больше, чем тебе ответили.

— Потому что ответы имеют последствия.

— И вопросы тоже.

Терен открыл сумку, достал дощечку и показал девять нарисованных рисок.

— Мне нужно имя мастера, который отвечает за такие фонари.

— Обратись в цех.

— Я обращаюсь к человеку в цеховом жетоне.

— Тогда запиши официальный запрос.

— Ная.

— Терен.

Она редко называла его по имени. Обычно только тогда, когда он забывал, что она больше не живёт в его доме.

Рада кашлянула и отошла к ящику с крепежом. Мастер полез на леса. Они оставили отца и дочь среди десятка людей, старательно занятых чем угодно другим.

— Что значит серебряная полоса? — спросил Терен.

Ная прикрыла жетон ладонью, но тут же убрала руку.

— Допуск к хранению.

— Ты была ученицей.

— И осталась ученицей.

— Ученикам не дают хранение.

— Теперь дают.

— С каких пор?

— Со вчерашнего вечера.

Терен почувствовал, как ушибленное плечо вдруг стало горячим.

— Что ты хранишь?

— Свет.

— Какой?

— Тот, к которому меня допустили.

— Где?

— Я не обязана отвечать.

— Старшие взяли ученицу за шесть недель до перехода, дали ей неизвестный огонь и велели молчать. Ты понимаешь, как это выглядит?

— Как работа, которую ты не знаешь.

— Как способ оставить старших без ответственности. Если что-то случится, отвечать будет ученица.

— Мне двадцать два года. Я подписала согласие.

— Покажи.

Ная засмеялась один раз, без радости.

— Тебе?

— Городскому проверяющему.

— Ты проверяешь торговый обман, а не мою жизнь.

— Если твоя жизнь стала платой за городской огонь, это уже не только твоя жизнь.

После этих слов вокруг будто стало тише. Ная смотрела на него долго, и Терен понял, что перешёл черту, но не увидел, где именно. Он хотел сказать: если тебе причиняют вред, я должен знать. Получилось: город имеет право на тебя, и я говорю от его имени.

— Вот это запиши на своей дощечке, — сказала она. — Чтобы потом не утверждать, будто я неправильно поняла.

Она повернулась к лесам.

— Подожди.

— Мне надо работать.

— Кто дал допуск?

— Старший Доля.

— На какой срок?

Ная остановилась спиной к нему.

— До конца перехода.

— Какова цена?

Она не ответила.

На ближайшей лестнице вспыхнул первый огонь.

Мастер наверху выругался: никто не давал команды зажигать. Пламя в медной чаше поднялось ровной синей иглой. Потом загорелась следующая чаша, ещё одна, и свет побежал вверх по башне, ступень за ступенью.

Ная стояла неподвижно.

— Какова цена? — повторил Терен.

Синее пламя добралось до третьего яруса. Оно не дрожало на ветру.

— Я не скажу, — произнесла Ная.

Все чаши вспыхнули одновременно.

Не ярко, не ослепительно — просто стали полными, как будто кто-то налил в них свет до краёв. Серебряная полоса на жетоне Наи отразила синеву.

Терен услышал собственное дыхание. Вчера Гран молчал тяжело и испуганно. Ная сказала отказ ясно, без принуждения. Огонь ответил одинаково.

— Это ты сделала? — спросил он.

— Отойди от лестницы.

— Ная.

— Отойди. Сейчас будут проверять крепления.

Сверху спустили мешок с песком. Он пролетел там, где только что стоял Терен, и повис на страховочном тросе. Ная дождалась, пока груз перестанет качаться, затем взялась за лестницу.

Терен схватил её за локоть.

Она посмотрела сначала на его руку, потом ему в лицо.

Он отпустил.

— Не приходи ко мне домой с этим вопросом, — сказала Ная. — И не спрашивай мать. Она ничего не знает.

— Значит, ты уже подумала, кого я стану спрашивать.

— Я знаю тебя.

Она поднялась на леса и больше не оглянулась.

Рада вернулась, когда Терен всё ещё смотрел вверх.

— Осевой мастер спрашивает, когда можно продолжать.

— После измерения огня.

— Кто измерит?

— Цех.

— А если они снова принесут запись без имени?

Терен убрал дощечку в сумку.

— Тогда я остановлю подъём.

Рада проследила за его взглядом. Синие огни горели на лестнице, хотя день был светлым.

— Она знала про фонарь?

— Знала, что он настоящий.

— Это она сказала?

— Нет.

— Тогда не записывай как факт.

Терен резко посмотрел на неё.

— Я умею вести проверку.

— На рынке — умеешь.

— А здесь?

— Здесь ты отец с медным знаком. Опасное сочетание.

Они вернулись к мостку. На этот раз по нему шли четверо рабочих с длинной балкой. Терен мог бы потребовать, чтобы они уступили служебному лицу, но дождался на краю. Под ним в открытой земле темнели старые опоры города.

Каждую осень Ковчег отрывались от места не сразу. Сначала отделяли дома от печей, мостовую от улиц, водостоки от ручья. Потом оставалось самое трудное: убедить людей, что всё необходимое можно взять с собой, а остальное не было частью города.

Терен всегда считал, что ложь похожа на плохо забитый клин. Вытащи её — и настоящее устройство станет видно. Сегодня он вытащил одну ложь из ярмарочного фонаря и нашёл под ней простую железную коробку. Но за вторым светом не оказалось коробки. За ним стоял человек, который знал ответ и выбирал не говорить.

Теперь таким человеком была его дочь.

На осевом дворе Корн ждал распоряжения, скрестив руки.

— Ну? Огневики разрешили работать?

— Нет.

— Запретили?

— Я запретил до измерения.

Кузнец сплюнул в песок.

— В первый год на службе ты остановил телегу из-за трещины, которую никто не видел. Трещина оказалась глубиной с ноготь. С тех пор я не спорю, когда ты говоришь про железо. Но огонь — не железо.

— Он поднимает железо.

— А молот поднимает моя рука. Будешь измерять, сколько я съел каши?

— Если от твоей каши зависят дома — буду.

Корн покачал головой, однако велел рабочим заняться другой осью. Терен выписал официальный запрос цеху: имя ответственного мастера, измеряемое изменение веса, срок действия и условия безопасного снятия фонаря. О цене он сначала написал отдельной строкой, затем зачеркнул. Не потому, что вопрос был неважен. Потому что не знал, имел ли право требовать публичного ответа.

Рада заметила зачёркнутое.

— Уже лучше, — сказала она.

— Что лучше?

— Ты остановился до того, как вопрос стал ломом.

— Если цена опасна, молчание её не уменьшит.

— А если ответ погасит то, что держит ось?

Терен посмотрел на фонарь. Пламя оставалось бледным и ровным. Корн не знал его тайны, поэтому мог говорить свободно. Ная знала хотя бы часть — и её отказ зажжёт целую лестницу.

— Тогда нужен способ проверить цену, не заставляя произносить её, — сказал он.

— Вот это и напиши.

Он перевернул лист и записал: «Проверить последствие без требования полного признания».

Пока они заканчивали осмотр железа, солнце поднялось над башней. Синие чаши погасли одна за другой, будто дневной свет вычерпывал их. Последней осталась верхняя. Ная работала возле неё, маленькая на фоне неба. Терен видел, как она натянула страховочную верёвку, проверила узел товарища и только потом свой.

Она не была ребёнком на пожарной вышке. Не нуждалась, чтобы её несли вниз. Это не означало, что цех не мог воспользоваться её уверенностью. И не означало, что отец получал право вырвать ответ.

К полудню первая ось прошла проверку без огня. Она оказалась тяжелее записи на семь пудов: под свежей дубовой оболочкой скрывалась старая железная накладка, которую забыли внести в книгу. Семь пудов не обрушили бы платформу, но изменили бы нагрузку на передние колёса. Корн молча исправил расчёт.

— Видишь? — сказал Терен. — Именно поэтому число важнее слова «достаточно».

— Вижу, — буркнул кузнец. — И всё равно огонь не сниму.

— Пока не прошу.

— Пока.

Терен поставил печать на акте. В верхнем углу он отметил девять рисок, а рядом — номер запроса в цех. Теперь фонарь существовал не только как тайна, которую кто-то унёс с рынка. Он был частью городского перехода, висел над осью и имел защитников, не знавших, что защищают.

Когда Терен уходил, северный квартал снова подняли на домкратах. Дома дрогнули, посуда зазвенела за стенами. Огромные колёса приняли часть веса. В толчее никто не заметил, как бледное пламя осевого фонаря на один миг стало ярче.

Терен заметил.

В этот момент ученик цеха передал Корну запечатанный ответ на официальный запрос.

На печати стояло имя старшего мастера: Севран Доль.

Глава 3. Правда, которая гасит

Печать Севрана Доля была оттиснута на сером воске так глубоко, будто старший мастер хотел продавить письмо насквозь.

Терен не стал вскрывать его на осевом дворе. Вокруг ходили рабочие, звенели цепи, Корн отдавал распоряжения, а фонарь с девятью насечками висел над осью и делал вид, что к нему всё это не относится. Ответ цеха следовало читать при свидетеле и в месте, где ни одна случайная фраза не могла повредить работающему огню.

Поэтому Терен унёс письмо в контору весового навеса. Рада закрыла ставни, проверила печную заслонку и сняла со стены обычную масляную лампу.

— Она точно обычная? — спросил Терен.

— Куплена у вдовы свечника за четыре медяка. Коптит, воняет и дважды обожгла мне пальцы. Надёжнее доказательств не бывает.

Она зажгла лампу и поставила на край стола. Терен записал в журнал, что конверт получен запечатанным, приложил к воску тонкую бумагу и протёр углём. На отпечатке проявился знак цеха: ладонь, прикрывающая пламя.

— Красиво, — сказала Рада. — И заранее объясняет, почему тебе ничего не скажут.

— Знак ничего не объясняет.

— Вот поэтому тебя и держат на службе.

Терен подрезал край конверта ножом. Внутри оказался один лист.

«Городскому проверяющему Терену Вересу. На запрос о северном осевом огне сообщаю: ответственным за установку является цех городских огней в лице старшего мастера. Изменение веса достаточно для безопасного подъёма при соблюдении расчётов осевого двора. Срок действия — до окончания осеннего хода. Безопасное снятие до указанного срока не предусмотрено. Оглашение устройства, назначения сверх названного и цены хранения может привести к прекращению действия. По этой причине подробности не подлежат внесению в общую книгу. Для внешней проверки готов принять вас завтра после второго колокола. Севран Доль».

Рада перечитала письмо через его плечо.

— Он ответил на три вопроса, не ответив ни на один.

— Имя ответственного есть.

— Цех.

— В лице старшего.

— Который не ставил фонарь своими руками.

Терен положил письмо под пресс, чтобы разгладить сгибы.

— И он письменно признал, что объяснение может погасить огонь.

— «Может привести к прекращению действия». Так можно написать и про дождь на ярмарке.

— Зато завтра он примет нас.

— Тебя. Про меня ничего нет.

— Ты ведёшь измерения.

— Тогда возьми гири потяжелее. Если мастер выставит меня за дверь, хоть порог ему продавим.

Терен ещё раз прочёл строку о назначении сверх названного. Фонарь объявили осевым огнём, но не сказали, что именно он делает. Корн считал, будто тот облегчает ось. Рабочие повторяли это как известный факт. Однако в письме имелось только «изменение веса», без числа и даже без направления. Огонь мог облегчать ось, утяжелять противовес, менять трение в вороте или вовсе не касаться железа. Чем точнее Терен всматривался в слова, тем больше видел не ответ, а аккуратно обведённое пустое место.

— До завтра ось не поднимать, — сказал он.

— Корн тебя возненавидит.

— Он переживёт.

— А квартал потеряет день.

— Пусть цех даст число.

Рада свернула копию письма и сунула в сумку с журналами.

— У нас до обеда складской двор.

Терен посмотрел на неё.

— Какой складской двор?

— Тот, который ты вписал в расписание три недели назад. Рыбные подвалы, соляной сарай и холодная кладовая совета. Или после двух красивых фонарей обычная гнилая доска тебя больше не занимает?

Обычная гнилая доска занимала его всегда. На чудесах люди теряли деньги редко, на плохих петлях, мокрых верёвках и неверном весе — ежедневно. Он убрал письмо в кожаную папку и погасил лампу пальцами через влажную тряпку.

Складской двор стоял в нижнем квартале, где дома уже отсоединили от водяного колеса. Канал обмелел, и на дне лежали чёрные лопасти, покрытые речной травой. Рабочие разбирали желоб на секции. Каждую метили одним и тем же номером, будто надеялись следующей весной собрать воду по памяти.

У ворот склада Терена встретила смотрительница Ивра Клён. Она была маленькой сухой женщиной, которая носила на поясе столько ключей, что заранее сообщала о своём приближении.

— Наконец-то, — сказала она вместо приветствия. — В холодной кладовой опять потеет потолок. Если на рыбу закапает, совет вычтет порчу с меня, а не с потолка.

— С какого дня?

— Со вчерашнего утра.

— До этого было сухо?

— До этого было холодно.

— Это разные вещи.

— Для рыбы — нет.

Ивра повела их через двор. Под навесами стояли бочки с солониной, мешки крупы и ящики сушёных яблок. Всё, что должно было перейти зиму вместе с городом, проверяли до движения: испорченная еда в дороге становилась бедой, которую нельзя оставить на обочине.

Холодная кладовая была сложена из толстого камня и наполовину уходила в землю. На двери висели два замка, железная пломба совета и круглая глиняная бирка с отпечатком ладони над пламенем.

Терен указал на бирку.

— Цеховой холод?

— Уже пятый год, — сказала Ивра. — Малый. Только для одной комнаты.

— Кто хранитель?

Ключи на её поясе умолкли.

— А это вам зачем?

— Пока незачем. Кто открывал с утра?

— Я, подмастерье Ловен и рыбак с восточного ряда. Вошли, увидели капли, вышли. Ничего не трогали.

— Имена в книге есть?

Ивра обиделась.

— У меня мышь без записи в щель не пролезет.

Она сняла пломбу, открыла оба замка и потянула дверь. Изнутри дохнуло прохладой, слабой и влажной. В каменном коридоре висели шерстяные куртки. Ивра раздала их, хотя Терену холод показался не сильнее раннего осеннего утра.

За второй дверью стояли стеллажи с рыбой. Серебристые туши лежали рядами на деревянных решётках, переложённые сухим мхом. На потолке действительно собрались капли. Несколько уже упали, оставив тёмные круги.

Рада повесила на крюк две мерные трубки. В одной была подкрашенная вода, в другой — масло. Их столбики меняли высоту от холода, но не одинаково; по разнице можно было заметить ошибку одного прибора.

— Восемь делений и восемь с половиной, — сказала она. — А должно быть пять.

Ивра звякнула ключами.

— Я же говорю: тепло.

Терен потрогал стену тыльной стороной пальцев. Камень был холоднее воздуха. В швах блестела влага.

— Когда пополняли лёд?

— Здесь нет льда.

— Совсем?

— За тем и платим цеху.

Он осмотрел пол, стены, стеллажи. Под нижним рядом не было ни корыта, ни скрытого желоба. Вентиляционное отверстие выходило во двор и было затянуто сеткой. За сеткой свободно проходил воздух. В центре потолка висела медная чашка размером с напёрсток. В ней не было пламени, только белый налёт по краю.

— Не трогайте, — быстро сказала Ивра.

— Почему?

— Так велено.

— Кем?

— Огневиками.

— Это тоже огонь?

— Они все свои вещи называют огнями. Даже если не светится.

Терен встал на пустой ящик и поднёс к чашке тонкую полоску бумаги. Бумага не шелохнулась. Он коснулся меди восковой палочкой. Воск затвердел раньше, чем прилип.

— Сама чаша холоднее воздуха, — сказал он.

Рада записала наблюдение.

— Внешний воздух сегодня тёплый. Через сетку кладовая нагревается.

— Раньше не нагревалась, — возразила Ивра.

— Раньше город не поднимали. В канале была вода, нижний камень отдавал тепло земле.

Терен спустился с ящика. Вчера он объяснил бы всё именно так: изменилось окружение, а цеховая безделушка получила славу работающего чуда. Но медь оставалась слишком холодной. На ней не было инея, зато палочка застыла так быстро, словно её сунули в зимний снег.

— Где запись об установке? — спросил он.

Ивра отвела их в тесную контору рядом с входом. Книги там стояли по годам и видам припасов. Она достала пятый том, открыла заложенную страницу и прижала углы связкой ключей.

Запись была подробнее осевой: дата, размеры комнаты, допустимое количество входов в день, запрет держать дверь открытой дольше ста ударов сердца. Установщик — мастер Товой Лиск. Хранитель — Ловен Лиск. Назначение — сохранять холод в камне от первого осеннего сбора до выхода на зимнюю стоянку. Цена была обозначена одним словом: «сухость».

— Вот, — сказала Ивра. — Всё по правилам.

Терен перечитал последнее слово.

- Что означает сухость?
- Что в кладовой нельзя проливать воду.
- Это условие работы или цена хранения?
- Какая разница?
- Большая.

Ивра пожала плечами.

- Ловен знает. Его дядя ставил чашу, а он с тех пор следит.
- Где он?
- Пересчитывает соль.

Подмастерье нашли в дальнем сарае. Ловен Лиск оказался широкоплечим парнем лет двадцати пяти с белыми от соли ресницами. Он стоял на лестнице и выкрикивал Ивре число мешков, пока второй работник ставил метки углём.

При виде медного знака Терена Ловен сбился со счёта.

- Семьдесят два, — подсказал второй работник.
- Семьдесят три было.
- Тогда зачем спрашиваешь?

Ивра велела обоим слезть. Ловен вытер ладони о передник, оставив белые полосы.

- Господин проверяющий.
- Холодная кладовая твоя?

Парень посмотрел на смотрительницу.

- Совета.
- Ты её хранитель?
- Я слежу за дверью и чашей.
- Это не ответ.

Рада кашлянула. Терен услышал предупреждение и заставил себя не повторять вопрос тем же тоном, каким говорил с Наей.

— В книге записано твоё имя, — сказал он спокойнее. — Я проверяю не тайну, а последствия. Холод ослаб. Ты заметил что-нибудь необычное?

Ловен потёр большим пальцем соль на указательном.

- Потолок заплакал.
- До или после твоего вчерашнего входа?
- До. Наверное.
- Кто ещё знает назначение чаши?
- Все знают. Она холод держит.
- Кто знает, как именно и какой ценой?

Ловен снова посмотрел на Ивру. Та перестала звенеть ключами.

- Дядя знал, — сказал парень. — Он умер зимой. Теперь я.
- Ты принял хранение после него?
- В последний вечер.
- Добровольно?
- Меня спросили. Я согласился.
- На какой срок?
- Пока чашу не снимут перед дорогой.
- Она поедет с городом?
- Нет. В дороге рыбу переложат в ледовые короба.

Терен отметил: срок короткий, назначение малое, имя хранителя открыто. Не всякая цеховая тайна была устроена как фонарь Наи. Это могло стать удобным образцом для проверки.

- «Сухость» — что это значит? — спросил он.

Ловен сжал губы.

В глубине сарая тихо хрустнуло. На полу возле одного из мешков выступила белая полоса: соль потянула влагу из воздуха и сбилась комками.

— Не отвечай, — сказал Терен.

Ловен судорожно вдохнул.

— Я и не собирался.

— Мне достаточно установить, влияет ли цена на тебя вне кладовой. Ответ только да или нет. Ты можешь пить воду?

— Да.

— Умываться?

— Да.

— Попадать под дождь?

— Да.

— Работать у канала?

— Да.

— Значит, речь не о твоём теле.

Ловен промолчал. На этот раз ничего не изменилось: соль лежала спокойно, воздух не похолодел, скрытого света не появилось.

Терен записал вопросы и ответы.

— Кто заходил сюда вчера до обнаружения воды?

— Рыбник, — сказала Ивра. — Я уже называла.

— В кладовую. А к хранителю?

Ивра нахмурилась.

— Его мать приходила.

Ловен побледнел под соляной пылью.

— Это не относится к складу.

— Тогда не будем спрашивать о содержании разговора, — сказала Рада прежде, чем Терен успел открыть рот. — Нам нужны время и место.

— После вечернего колокола. Здесь, у соли.

— Кто слышал?

Второй работник поднял руку, словно ученик.

— Я был за перегородкой. Но я не слушал.

— Не слушали или не слышали? — спросил Терен.

— Сначала не слушал. Потом они закричали, и стало слышно.

Ловен шагнул к нему.

— Мерек.

— Я не рассказываю, — быстро сказал работник. — Только говорю, что слышал.

Терен почувствовал, как все нити проверки потянулись к одному узлу. Мать хранителя пришла накануне ослабления холода. Был спор. Свидетель слышал слова. Если Ловен назвал назначение и цену полностью, чаша уже должна была погаснуть. Но она не погасла, только ослабла — если ослабление вообще было связано с речью.

— Мне не нужен пересказ ссоры, — сказал Терен. — Скажите каждый отдельно: производилось ли вслух назначение чаши?

— Да, — ответил Ловен.

— Нет, — одновременно сказал Мерек.

Ивра раздражённо звякнула ключами.

— Очень помогли.

— Я сказал, что она держит холод, — объяснил Ловен. — Это все знают.

— А я подумал, вы спрашиваете настоящее назначение, — сказал Мерек.

Терен поднял руку.

— Не произносите его.

Мерек закрыл рот.

Поздно он или вовремя остановил человека, Терен не знал. Фраза «настоящее назначение» могла означать лишь догадку работника. Ловен мог соврать. Ивра могла неверно прочесть запись. Цех мог оставить в книге безопасную половину смысла.

— Вчера кто-нибудь произносил цену? — спросила Рада.

Ловен покачал головой.

— Нет.

— Уверен?

— Мать не знает.

— А ты?

— Я не сказал.

В его голосе было не упрямство Наи и не тяжёлый страх Грана. Там слышался стыд человека, который вчера хотел сказать и теперь не был уверен, удержался ли.

Терен закрыл журнал.

— Осмотрим кладовую ещё раз. Ловен идёт с нами. Мерек остаётся здесь.

— Почему? — спросил Мерек.

— Потому что ты различаешь известное назначение и настоящее, но не являешься записанным хранителем. Пока я не понимаю, что именно тебе известно, безопаснее не вести тебя к чаше.

Это было предположение, не правило. Терен так и отметил на полях.

В кладовой стало теплее ещё на одно деление. Капли на потолке набухли. Ловен стоял у двери и смотрел на медную чашу.

— Она раньше белела сильнее, — сказал он.

— Когда именно?

— Утром. До первого открытия.

— Ты был один?

— Да.

— Что делал?

— Проверил plombу. Положил руку на дверь. Сказал...

Он замолчал.

Чашка на потолке тихо звякнула, хотя никто её не касался. По краю пробежал белый ободок.

Ивра ахнула.

— Ничего не говори, — приказал Терен.

Ободок стал толще. Воздух возле пола остался прежним, зато дыхание Ловена побелело на одно короткое мгновение.

Рада приблизила трубки к чаше, не поднимаясь на ящик.

— Шесть с половиной, — сказала она. — Холод возвращается.

Терен посмотрел на Ловена.

— Ты сейчас сознательно остановился перед ответом?

— Да.

— Ты мог договорить?

— Да.

— Тебе кто-нибудь физически мешал?

— Вы велели.

— Но выбор оставался у тебя?

Ловен кивнул.

Белый ободок на чаше не изменился. Не всякий вопрос усиливал действие. Возможно, нужна была близость к полной правде. Возможно, чаше требовалось время. Возможно, холод возвращался потому, что дверь наконец закрыли.

Терен велел всем выйти. Они заперли кладовую и оставили трубки внутри, наблюдая через маленькое оконце в двери. За четверть часа вода опустилась ещё на половину деления.

— Закрытая дверь, — сказала Ивра с торжеством.

— Или отказ хранителя, — ответила Рада.

— Или оба, — сказал Терен. — Пока ничего не доказано.

Он составил порядок безопасной проверки. Кладовую не открывать. Ловену не задавать вопросов о цене. Записать температуру через каждые сто ударов маятника. Сравнить с соседним каменным подвалом без чаши. Осмотреть дверь и вентиляцию. Найти мастера, способного оценить чашу, не знающего её полной тайны.

— Мой дядя один её ставил, — сказал Ловен.

— У него были бумаги?

— Мать хранит ящик с инструментами.

— Принеси ящик. Не открывай записи, если не читал их раньше.

— Почему?

— Потому что незнающий свидетель сейчас полезнее знающего.

Ловен впервые посмотрел на него не со страхом, а с удивлением.

— Проверяющий не хочет знать?

Терен вспомнил Наю на лестнице.

— Проверяющий хочет знать достаточно, чтобы никого не заставить сломать вещь ради ответа.

Через час у двери стояли два ряда чисел. Соседний подвал нагревался быстрее холодной кладовой, хотя был глубже. Чаша действовала. Закрытая дверь объясняла часть возвращённого холода, но не всю. Отказ Ловена совпал с белым ободком, однако совпадение не доказывало причины.

Мать Ловена пришла сама, не дожидаясь сына. Её звали Арла Лиск. Она несла плоский деревянный ящик, перевязанный ремнями, и сердилась так открыто, что даже Ивра отступила от двери.

— Вы опять мучаете его вопросами? — спросила Арла.

— Я запретил задавать вопросы о цене.

— Запретили после того, как спросили?

Терен принял удар без возражения.

— После первого безопасного вопроса.

— Безопасного для кого?

Ловен подошёл к матери.

— Мам, хватит.

— Вчера ты тоже так сказал. А потом сидел до ночи и не мог объяснить, почему собственная мать должна просить тебя не делать глупость.

— Не здесь.

— Где тогда? Дома ты молчишь. На складе молчишь. Перед этим человеком молчишь. Твой дядя молчал пять лет и умер, так и не сказав, зачем ему понадобилось спать на голых досках каждую осень.

Ловен метнулся к ней, но Рада уже подняла обе руки.

— Остановитесь. Не называйте действие чаши и цену вместе.

Арла перевела взгляд на неё.

— А я цену не знаю.

— Тогда не пытайтесь угадать вслух.

— Думаете, я за пять лет не поняла? Товей всё объяснил перед смертью.
В коридоре стало очень тихо.

Терен увидел, как Ловен побелел. Ивра прижала связку ключей к юбке, чтобы они не звякнули.

— Вы знаете точное действие чаши? — осторожно спросил Терен.

— Знаю.

— И точную цену?

— Теперь знаю.

— Вы принимали хранение?

— Никакого хранения я не принимала.

— Но можете рассказать?

— Могу. И расскажу, если это освободит сына.

Белый ободок исчез с медной чаши за закрытой дверью. Они увидели это через оконце: белизна втянулась в край, словно соль в воду. Одна мерная трубка дрогнула.

Терен встал между Арлой и дверью.

— Не говорите.

— Вы только что сказали, что никого не заставляете молчать.

— Я прошу дать нам время вынести рыбу.

— Значит, правда всё-таки опасна.

— Опасно произносить её рядом с кладовой, полной еды. Это не одно и то же.

Арла поставила ящик на пол.

— У вас десять минут.

Ивра возмущённо пискнула, но Терен уже распахнул наружную дверь.

— Зовите носильщиков. Рыбу — в ледовые короба. Рада, запиши текущее показание.

Ловен, ты остаёшься здесь.

— Я помогу.

— Ты хранитель и участник спора. Сейчас от тебя полезнее ничего не делать.

— Удобно придумано.

— Очень. Поэтому я тоже останусь.

Рада побежала во двор. Ивра закричала носильщикам, чтобы катили короба. Через минуту склад наполнился топотом, руганью и скрежетом полозьев. Рыбу переносили решётками, не разбирая ряды. Холод выходил вместе с людьми. Капли с потолка падали всё чаще.

Арла стояла возле ящика и считала вслух минуты.

На восьмой вынесли последнюю решётку.

— Теперь можно? — спросила она.

— Снаружи, — сказал Терен. — Не здесь.

— Вы боитесь слов даже через стену?

— Я не знаю расстояния действия.

— Честный ответ.

Они отошли на середину двора. Терен велел людям не приближаться. Ивра осталась у оконца и должна была поднять красную тряпку при любом изменении чаши. Рада стояла рядом с ней и следила за приборами.

Арла и Ловен встали друг против друга. Между ними лежал ящик умершего мастера.

— Ты не обязан слушать, — сказала Арла сыну.

— Я уже знаю.

— Тогда не обязан молчать.

— Если ты скажешь, холод пропадёт.

— Рыба вынесена.

— Дело не в рыбе.

— А в чём?

Ловен посмотрел на Терена, словно тот мог подсказать ответ. Терен молчал. Сейчас решалось не только действие чаши. Парень защищал выбор, который мать считала навязанным. Арла защищала сына, который видел в её защите ещё один способ выбрать за него.

— Я согласился, — сказал Ловен.

— Не зная, что «сухость» означает для тебя.

— Зная.

— Тогда почему не сказал мне?

— Потому что чаша держится, пока я не говорю.

Ивра не подняла тряпку. Назначение прозвучало, но не полностью. Цена не была названа.

Арла развязала ремни ящика. Внутри лежали щипцы, медные пластины, свёрток тонкой проволоки и тетрадь в промасленной коже.

— Твой дядя написал здесь всё, — сказала она. — Я прочла вчера. Чаша не просто держит холод. Она вытягивает сырость из воздуха и складывает её в тело хранителя. Пока Ловен молчит об этом, он не может спать на постели: любая набивка под ним отсыревает за ночь, как трава под дождём. Вот ваша «сухость». Склад остаётся сухим, а человек пять недель спит на голых досках и просыпается в мокрой одежде.

На слове «одежда» красная тряпка взлетела.

Из кладовой донёсся чистый медный звон.

Не громче удара ложки о чашку. И всё же каждый во дворе замер.

Терен побежал к двери. Ивра открыла замки. Внутри пахнуло не холодом, а тёплым камнем и рыбой, которую только что унесли. Медная чашка висела на месте, но белого налёта на ней не осталось. С потолка сразу упала целая россыпь капель.

Рада показала на трубки.

— Обе пошли вверх одновременно.

Терен встал на ящик и коснулся чаши восковой палочкой. Воск размяк и прилип к меди.

— Время? — спросил он.

— Между последним словом и звоном меньше одного удара сердца.

— Дверь была закрыта?

— Заперта. Никто не входил.

— Вентиляция?

— Без изменений.

Ивра потрогала стену и выругалась.

Ловен вошёл последним. Он смотрел не на чашу, а на собственные рукава. Потом провёл ладонью по груди, будто ожидал найти ткань мокрой.

— Сухо, — сказал он.

Арла стояла в дверях.

— Значит, всё.

— Всё, — ответил Ловен.

В его голосе не было облегчения.

Терен осмотрел чашу, крепление, камень вокруг. Никакой проволоки, заслонки или скрытой трубки. Он попросил Раду принести вторую восковую палочку и повторил касание при Ивре. Потом снял сетку вентиляции, проверил ход воздуха, простучал потолок. Чаша оставалась тёплой. Холод не возвращался.

— Вы видели, — сказала Арла. — Теперь напишите в своей книге, что людей заставляют платить телом за склад совета.

— Напишу то, что установил.

— Опять прячетесь за словами?

Терен повернулся к ней.

— Установлено: после полного произнесения действия и цены чаша перестала охлаждать кладовую, а известное неудобство хранителя прекратилось. Установлено: Ловен согласился принять хранение. Не установлено: сообщили ли ему все последствия до согласия. Если я напишу больше, чем могу доказать, цех отбросит весь акт из-за одной лишней строки.

Арла хотела возразить, но Ловен сказал:

— Мне сообщили.

— Кто? — спросил Терен.

— Дядя. Сказал, что пять недель постель будет мокрой. Я согласился.

— Почему?

— В прошлом году рыба испортилась. Совет раздал её бедным, потому что выбросить было жалко. Половина нижнего квартала потом лежала с животом. Я решил, что доски переживу.

Арла закрыла глаза.

— Ты мог сказать мне.

— Тогда бы чаша погасла.

— До вчера я не знала всей правды.

— Но стала бы спрашивать. Как сейчас.

Терен отвернулся к стене. Разговор слишком точно повторял его спор с Наей, только Арла получила ответ и погасила чудо. Она освободила сына от цены. Она же уничтожила вещь, которую он согласился хранить ради других. Кто из них имел больше права — хранитель, плативший своим телом, или мать, увидевшая вред? Медный знак не давал ответа.

Рада присела возле ящика мастера.

— Тетрадь останется у вас, — сказала она Арле. — Но нам нужна копия страницы для акта.

— Чтобы собрать новую чашу?

— Чтобы подтвердить, какие сведения были произнесены.

— Я подтверждаю.

— Вы заинтересованная сторона.

— А вы нет?

— Я заинтересована не ошибиться.

Арла нехотя раскрыла тетрадь. На нужной странице был рисунок чаши и четыре короткие строки. Терен не читал их вслух. Он сверил текст с услышанным и понял: Арла назвала всё. Ни одного существенного пропуска. Действие, место накопления цены, срок и условие прекращения.

— Почему вы вчера не сказали? — спросил он.

— Ловен вырвал у меня тетрадь. Потом вернул, когда решил, что я успокоилась.

— А сегодня?

— Сегодня я увидела ваш знак у ворот и поняла, что он опять выбрал склад вместо себя.

— Это был мой выбор, — сказал Ловен.

— Хороший выбор не приходится скрывать от матери.

— Иногда приходится, если мать не признаёт его хорошим.

Ивра вернулась с дворовым журналом.

— Семейный совет потом. Что мне делать с кладовой? До ледовых коробов всего восемь дней, а лёд в них уложат только послезавтра.

— Оставить рыбу в переносных коробах и добавить лёд с пивоваренного двора, — сказал Терен.

— Совет за него платить не станет.

— Приложите мой акт. Чудо прекратилось во время официальной проверки.

— Так это вы его сломали?

Терен посмотрел на чашу.

— Нет. Но я собрал здесь людей и вопросы, после которых оно было сломано. Это тоже войдёт в акт.

Рада подняла голову. Он понял, что она запомнит эту фразу и не позволит вычеркнуть её позже.

Они опечатали чашу на месте. Терен запретил разбирать её до осмотра цехом: если внутреннее устройство изменилось после произнесённой правды, следовало это зафиксировать. Ивра отправила телегу за льдом. Ловен вызвался сопровождать рыбу, но смотрительница велела ему идти домой и впервые за пять недель поспать в постели.

— Я не просил выходной.

— А я не спрашивала. Пока ты записан моим подмастерьем, хоть одна власть у меня есть. Ловен усмехнулся, но остался возле матери.

Терен и Рада заняли контору. Акт получился длиннее обычного: время каждого входа, показания двух трубок, положение двери, слова свидетелей, состояние воска на чаше. Терен трижды переписал фразу о причине. Сначала написал: «Чаша погасла от раскрытия тайны». Зачеркнул. Потом: «Произнесение сведений разрушило действие». Снова зачеркнул.

В конце оставил: «Непосредственно после того, как Арла Лиск вслух и без пропусков назвала действие чаши и личную цену хранителя, чаша издала звон, утратила холод, а обозначенное последствие для Ловена Лиска прекратилось. Иных изменений в помещении в этот промежуток свидетели не наблюдали».

— Осторожно, — сказала Рада.

— Точно.

— Ты всё ещё не пишешь, что слова были причиной.

— Один случай не даёт права писать «причина».

— А два фонаря и лестница?

— Там отказ усиливал свет. Здесь рассказ прекратил холод. Предметы разные, хранители разные, измерения у нас только по чаше.

— И что тебе нужно? Ещё одна полная правда и ещё один испорченный склад?

— Нет.

Он сказал это слишком быстро.

Рада отложила перо.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Ты понял раньше меня.

Терен перечитал акт. Всю жизнь повторяемость была его лучшим орудием. Фальшивый порошок следовало нагреть дважды. Магнитное кольцо — поменять местами. Вес — проверить второй гирей. Но повторить разрушение настоящего чуда означало намеренно причинить ещё один ущерб. Метод, который защищал людей от обмана, мог сам стать опаснее обмана.

— Нужен другой повтор, — сказал он. — Не гасить вторую вещь. Сравнить известные случаи. Установить общие условия. Найти чудо, которое уже прекратилось без нашей помощи.

— И спросить цех?

— Спросить так, чтобы ответом можно было подтвердить правило, не называть содержание.

— Например?

Терен взял чистый лист.

— Верно ли, что для прекращения действия должны прозвучать одновременно назначение и цена? Верно ли, что частичного ответа недостаточно? Верно ли, что говорить обязан не хранитель, а любой человек, знающий всё?

— Последнее уже показала Арла.

— Показала один раз.

— Ты неисправим.

— За это мне платят.

— Нет. Тебе платят за то, чтобы дома не падали и рыба не травила людей. Не путай средство с работой.

Он хотел возразить, но не нашёл чем. Рада снова оказалась права в самой неприятной форме: его любовь к доказательству могла стать такой же слепой, как чужая любовь к тайне.

Терен приложил к акту копию страницы из тетради, запечатал её отдельным конвертом и написал сверху: «Не оглашать рядом с действующими изделиями цеха». Потом составил второй лист для Севрана Доля. В нём не было содержания складской тайны — только наблюдения и вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

Когда они вышли, день уже клонился к вечеру. По двору катили ледовые короба. Рыба лежала внутри, укрытая мокрым полотном. Ивра шла рядом и считала расходы вслух, чтобы весь совет заранее услышал размер будущего счёта.

Арла сидела на ступеньке. Ловен стоял перед ней. Они не спорили, но и не мирились. Между ними лежал ящик Товей.

— Господин Верес, — позвал Ловен.

Терен подошёл.

— Чашу можно сделать снова?

— Не знаю.

— Если можно, я бы принял её ещё на восемь дней.

Арла резко повернулась к нему.

— После всего?

— После всего я знаю, что цена кончается вместе с чашей. И теперь ты тоже знаешь.

— Если я буду знать, новое хранение не начнётся.

— Тогда не ты.

Арла встала.

— Слышите? Они заставят нас разойтись по разным комнатам, чтобы один не знал, чем платит другой.

— Я слышу, — сказал Терен.

— И что сделаете?

— Завтра задам этот вопрос старшему мастеру.

— Вопрос не действие.

— Нет. Но действие без ответа иногда ломает то, что человек хотел спасти.

Арла посмотрела на закрытую кладовую. Она не раскаялась. И не должна была изображать раскаяние ради его удобства. Сын получил сухую постель, склад потерял холод, рыбу спасли руками и льдом. Правда не оказалась ни добром, ни злом. Она оказалась силой с точным последствием.

На обратном пути Терен нёс запечатанный акт отдельно от папки Севрана. Город вокруг готовился к дороге. С крыш снимали черепицу, которую нельзя было везти на домах. Между кварталами натягивали временные канаты. На площади дети играли в переход: девять деревянных ящиков изображали платформы, а мальчик с палкой кричал, кому двигаться первым.

У северной башни уже горели синие чаши. Ная стояла на втором ярусе и закрепляла провод. С земли она не могла увидеть выражение отцовского лица, но заметила его и замерла.

Терен не стал звать.

Он подумал о мокрой постели Ловена. Цена малого склада была неприятной, ограниченной и заранее известной хранителю. Цена Наи могла быть другой. Возможно, серебряный жетон отнимал у неё только сон, тепло или право подписывать заказ. Возможно, нечто боль-

шее. Сегодня он увидел, что полная правда способна освободить человека. И увидел, что освобождение, совершённое против его выбора, тоже бывает насилием.

Ная подняла руку. Не приветствуя — предупреждая, чтобы он не подходил к огням с вопросами.

Терен показал ей пустые ладони.

Потом вынул дощечку и написал одну строку для завтрашней встречи с Севраном:

«Кто имеет право погасить чудо: тот, кто платит, тот, кого цена касается, или тот, кого оно защищает?»

Ниже добавил вторую:

«И кто решает, когда эти люди не согласны?»

Глава 4. Цех без вывески

У цеха городских огней не было вывески.

Терен прошёл мимо его дверей дважды, прежде чем Рада заметила на водосточной трубе знакомый знак: ладонь над пламенем. Знак был размером с ноготь и потемнел вместе с медью. Любая сапожная мастерская в Ковчехах кричала о себе сапогом над входом, булочники выставляли позолоченные крендели, даже точильщики звенели колокольцами. Огневики занимали серый дом на тихой улице и будто не нуждались в заказчиках.

— Удобно, — сказала Рада. — Кто знает, тот войдёт. Кто не знает, не задаст вопрос.

— Мы знаем.

Терен постучал рукоятью трости. Дверь открылась без скрипа. На пороге стояла женщина в сером переднике, запачканном белой глиной.

— Проверяющий Верес и измеритель Рада Нор, — сказал Терен. — Нас ждёт старший мастер.

Женщина посмотрела на Раду.

— В письме назван один человек.

— В запросе названы измерения.

— Измерения проведут наши весовщики.

Рада сняла с плеча сумку. Та тяжело ударилась о порог.

— Тогда я проверю ваши гири своими.

Женщина ещё раз посмотрела на неё и отступила.

Внутри пахло воском, мокрой медью и чем-то зимним, как воздух из открытого погреба. Коридор делился на три одинаковые двери. Над первой была вырезана чаша, над второй — колесо, над третьей — закрытый глаз.

— Оружие оставьте здесь, — сказала женщина.

Терен положил короткий складной нож в деревянный лоток. Рада выложила два шила, отвёртку, стальную линейку и маленький молоток.

— Это приборы.

— Линейку можете оставить себе.

— Очень щедро.

Их провели через дверь с чашей. За ней оказался длинный зал, разделённый кирпичными перегородками. В каждой нише работал один человек. Кто-то ковал медную ленту, кто-то растирал белый порошок, кто-то наматывал проволоку на костяной стержень. Ниши были устроены так, что мастер видел собственный стол и стену напротив, но не соседей.

— Почему перегородки? — спросил Терен.

— Чтобы искры не летели, — ответила провожатая.

В ближайшей нише не было ни горна, ни искр. Девушка складывала стеклянные пластинки в деревянную раму.

— И от разговоров помогают, — добавила Рада.

Женщина не ответила.

Севран Доль ждал в комнате без окон. На вид ему было около шестидесяти, но лицо не казалось старым: оно казалось давно законченным. Серые волосы были коротко острижены. На нём не было ни цепи старшего, ни вышивки, только чистый тёмный кафтан и медное кольцо на большом пальце.

На столе лежали письмо Терена и копия складского акта.

— Вы быстро работаете, — сказал Севран.

— Чаша погасла быстро.

— Чашу погасили.

— Разница важна?

— Для чаши — нет. Для людей — да.

Он указал на два стула. Третьего не было. Рада принесла из коридора табурет и поставила рядом с Тереном.

— Вы пригласили меня проверить северный огонь, — сказал Терен.

— Сначала склад. Арла Лиск раскрыла хранение добровольно?

— Её не принуждали.

— Ловен соглашался на раскрытие?

— Нет.

— Значит, добровольность одного человека уничтожила добровольность другого.

— Поэтому я пришёл не только за числом.

Севран перевернул акт.

— Число вы получите. Северный огонь уменьшает усилие первого подъёма на девять пудов. После отрыва оси от опор действие прекращается до следующего рассвета.

Рада открыла журнал.

— Погрешность?

— Полпуда в любую сторону.

— Чем измеряли?

— Коромыслами осевого двора и нашими грузами.

— Когда сверяли грузы?

— Сегодня утром. Можете повторить.

Терен ожидал уклончивости и потому не сразу поверил прямому ответу.

— Почему этого нет в книге Корна?

— Потому что девять пудов — не постоянное свойство оси. Корн должен рассчитывать железо так, словно огня нет.

— А рабочие рассчитывают ворот с огнём.

— Для них есть отдельная ведомость.

Севран достал лист. На нём были указаны число людей у ворота, длина рычага и допустимое время подъёма. Ни слова о цене или устройстве.

Рада быстро проверила умножение.

— Расчёт сходится, если ваши девять пудов настоящие.

— Поэтому вы здесь.

Старший поднялся. В коридоре он отпер дверь с колесом, и они вошли в узкую комнату с весовой рамой. На одном конце коромысла висела железная болванка, на другом стояли ящики с гирями. Под потолком горел фонарь с девятью насечками.

Он был похож на осевой, но меньше. Рядом находились трое мастеров. Первый отвечал за весы, второй держал ключ от фонаря, третий стоял у стены с завязанными глазами.

— Зачем повязка? — спросил Терен.

— Он знает слова включения, но не должен видеть груз, — сказал Севран. — Весовщик знает ожидаемое изменение, но не слова. Ключник знает устройство корпуса, но не действие и цену.

— А вы знаете всё.

— Да.

— Значит, перегородки не защищают город от одного признания. Они только оставляют это признание вам.

Севран не обиделся.

— Кто-то должен связать части.

— Почему один человек?

— Потому что девять человек, каждый из которых знает восьмую часть, не отвечают за целое. Когда ось сорвётся, части не станут виноваты вместе.

— Ответственность и возможность разрушить всё — не одно и то же.

— В спокойный день — не одно.

Рада поставила свои гири рядом с цеховыми. Весовщик по очереди сравнил их на малом коромысле. Одна цеховая гиря оказалась легче на четверть фунта; её отложили. Никто не спорил и не пытался спрятать ошибку.

Потом ключник открыл нижнюю дверцу фонаря. Терен увидел пустую медную чашу, тонкую пластинку и две проволоки, упиравшиеся в стекло. Никакого масла. Ключник закрыл дверцу и отошёл.

— Я произнесу только безопасную команду, — сказал мастер с повязкой. — Она не содержит назначения или цены.

— Откуда вы знаете? — спросил Терен.

— Мне так сказали.

— Кто?

— Старший.

Терен посмотрел на Севрана.

— Он доверяет вам безопасность слов, которых не понимает.

— А вы доверяете кузнецу состав железа, не пробуя каждую руду на зуб.

— Кузнечное железо можно сломать на образце.

— Сегодня вы увидите образец.

Весовщик уравновесил болванку. Рада проверила положение стрелки и поставила метку мелом. Мастер с повязкой произнёс:

— Прими первый вес.

Фонарь вспыхнул бледно-жёлтым. Стрелка качнулась. Рада добавляла гири, пока коромысло снова не выровнялось.

— Восемь пудов тридцать четыре фунта, — сказала она.

— В пределах, — ответил Севран.

Испытание повторили со второй болванкой. Получили девять пудов семь фунтов. В третий раз Терен сам выбрал груз из соседнего ряда и не сообщил весовщику ожидаемого результата. Девять пудов один фунт.

— Действие подтверждено, — сказал он. — Для этого фонаря.

— Осевой собран по той же записи.

— Записи покажете?

— Нет.

— Тогда действие осевого проверим на месте.

— Завтра утром.

— Сегодня.

— Сегодня северную платформу не поднимают. Вы сами остановили работу.

Терен стиснул зубы. Севран не улыбнулся, хотя имел право.

— Завтра, — согласился Терен. — С моими гирями и без предупреждения весовщика о точном грузе.

— Принимается.

Испытательный фонарь погас сам, когда болванку опустили на опоры. Мастер снял повязку. Это был юноша едва старше Наи.

— Какова цена этого испытания? — спросил Терен у Севрана.

Юноша вздрогнул.

— Не здесь, — сказал старший.

— Я не прошу назвать её. Я спрашиваю, кто её платит.

— Я.

Терен посмотрел на фонарь, потом на молодого мастера.

— Он произнёс слова. Вы хранитель?

— Да.

— Значит, исполнитель и хранитель могут быть разными людьми.

— Часто бывают.

— Юноша знает, что цена лежит на вас?

— Теперь знает, — сухо сказал Севран.

Мастер с повязкой побледнел.

— Мне говорили, цена распределена между старшими.

Севран повернулся к нему.

— Ильт, вернитесь в зал.

— Это правда?

— Вернитесь к работе.

Ильт снял повязку с шеи и положил на стол.

— Я спросил, правда ли это.

Свет фонаря не вернулся. Никакого знака, что вопрос опасен, не было. Только молодой мастер впервые посмотрел на старшего не снизу вверх.

— Цена этого образца на мне, — сказал Севран. — Цена больших изделий распределена.

— Почему мне не сказали различие?

— Потому что оно не нужно для твоей работы.

— Мне нужно знать, кому я помогаю.

— Ты помогаешь городу.

— Город не спит на мокрых досках.

Севран бросил на Терена короткий взгляд. Копия акта уже успела сделать своё дело.

— Ильт, ты свободен до вечера.

— Это приказ?

— Да.

Юноша ушёл. Ключник и весовщик старательно смотрели на приборы.

— Вот ваша внешняя проверка, — сказал Севран. — Один лишний факт, и мастер, который пять лет без ошибки выполнял работу, больше не доверяет ни одной команде.

— Если доверие ломается от правды о том, кто платит, оно уже было сломано.

— Нет. Оно работало.

— Как складская чаша?

Севран закрыл крышку ящика с гирями.

— Как город, который каждую осень уходит от провала. Работающее несовершенство лучше безупречного обвала.

Он вывел их в коридор и повёл к двери с закрытым глазом. За ней не оказалось мастерской. Там хранились книги.

Стеллажи доходили до потолка. На корешках вместо названий стояли цветные пятна и числа. Некоторые тома были заперты в железные клетки. Другие состояли из отдельных узких тетрадей, перевязанных нитками разных цветов.

— Здесь сведения разделяют, — сказал Севран. — Красная тетрадь описывает действие, синяя — сборку, белая — цену. Ни один писец не переписывает две части одного изделия.

— Кто подбирает их вместе?

— Старший.

— Снова вы.

— Сейчас — я. До меня была мастер Шея Дран. После меня будет другой.

— И он получит всё знание разом?

- По частям, но в конце будет знать всё.
- Рада прошла вдоль полок, не касаясь книг.
- В учётных листах есть сроки цены?
- Есть.
- Хранитель видит свой лист целиком?
- Свой — да.
- Может получить копию?
- Нет.
- Почему?
- Копию могут прочесть другие.
- Арла прочла тетрадь без копии.
- Товей нарушил правило, записав целое.
- Благодаря нарушению мы узнали, что именно погасило чашу, — сказал Терен.
- Благодаря нарушению чаша и погасла.

Они остановились перед железной клеткой с девятью замками. За прутьями лежала толстая книга без надписи.

- Переход? — спросил Терен.
- Севран не ответил. Этого оказалось достаточно.
- Девять замков для девяти кварталов?
- Вы пришли проверять осевой фонарь.
- Я пришёл понять, можно ли проверить цену, не разрушая действие.
- Можно. Хранитель видит свой лист и подтверждает согласие.
- При ком?
- При мастере.
- Мастер знает цену?
- Только её вид, не точное действие изделия.
- А хранитель понимает последствие в обычной жизни?
- Обязан понять.
- «Сухость» в складской книге ничего не объясняла.
- Общая книга не предназначена хранителю.
- Покажите пустой лист согласия.

Севран достал из шкафа бланк. В нём были строки: имя, срок, вид цены, право отказаться до начала, подтверждение прекращения цены после завершения действия. Терен прочёл дважды.

- Нет строки о продлении.
- Продление оформляется как новое хранение.
- С новым согласием?
- Разумеется.

Ответ прозвучал без паузы, но Севран положил большой палец поверх нижнего края листа. Жест был маленький. Терен мог бы не заметить, если бы всю жизнь не смотрел, куда люди прячут руки во время проверки.

- Уберите палец.
- Что?
- Нижний край.

Севран не двинулся.

Терен протянул руку, но не коснулся листа.

— Я не стану отнимать документ. Просто уберите палец.

Старший медленно поднял руку.

Внизу мелким письмом стояло: «При непосредственной угрозе городу старший вправе сохранить действие до передачи хранения следующему согласному лицу».

- Сохранить действие, — прочла Рада. — А цену?
- Действие и цена не разделяются.
- Значит, продлить цену без нового согласия.
- На необходимый срок.
- Кто решает, что угроза непосредственная? — спросил Терен.
- Старший.
- Кто решает, что срок необходимый?
- Я.
- Кто проверяет решение?
- После перехода — совет цеха.
- Тот самый совет, который знает части?
- Старшие мастера знают достаточно.
- Достаточно — это сколько?
- Севран забрал бланк.
- Столько, чтобы город двигался.

Терен вспомнил серебряный жетон Наи. До конца перехода, сказала она. Если провал откроется раньше, если сцепка сломается, если Севран объявит угрозу непосредственной — её срок мог оказаться не сроком, а обещанием, которое старший имел право изменить сам.

- Ная Верес подписала такой лист?
- Я не обсуждаю хранителя с родственником.
- Я спрашиваю как проверяющий.
- Тогда оформите отдельное основание проверки.
- Основание передо мной.
- Перед вами общий бланк. Ни одного продления по нему в этом году не было.
- Ещё не было.

Севран запер шкаф.

— Вы искали способ проверки без признания. Вот он: срок, наблюдаемое последствие, независимый свидетель согласия. Не нужно знать слов цены, чтобы установить, наступила ли она и закончилась ли вовремя.

- Свидетель из цеха зависим от вас.
- А городской писец потребует внести цену в книгу.
- Можно записать последствие без причины. «Не может подписываться именем в заказе до такой-то даты». Этого достаточно для защиты прав и недостаточно для разрушения огня.

Севран впервые за встречу задумался прежде, чем ответить.

- Иногда последствие и есть цена.
- Тогда запечатанная запись у независимого хранителя.
- Печать можно сорвать.
- Цеховую книгу можно украсть.
- Девять замков.
- Девять ключей можно собрать.

Они смотрели друг на друга через узкий проход между полками. Терен ожидал нового отказа. Вместо этого Севран спросил:

- Кому вы доверите запечатанную правду, способную погасить городской купол?
- Не одному человеку.
- Тогда каждый получит часть и не сможет оценить целое. Вы только что осудили именно это устройство.
- Я осудил то, что один старший получает и знание, и право продлевать чужую цену.

— Значит, одному человеку всё же придётся знать целое. Вы спорите не с устройством. Вы спорите с тем, что этим человеком являюсь я.

Терен хотел сказать «да». Это был бы простой и честный ответ. Но за утро Севран дал измерить фонарь, отложил неверную гирию, показал бланк и признал собственное хранение. Он скрывал власть, однако не казался человеком, который держит её ради удовольствия.

— Я спору с тем, что любой человек может оставаться единственной дверью, — сказал Терен. — Даже честный.

Севран коснулся медного кольца.

— Дверь нужна стене. Иначе это проход.

— Проход тоже бывает нужен.

— Не зимнему провалу.

В комнате что-то тихо треснуло. Терен обернулся к железной клетке, но звук пришёл из стены. Между кирпичами пробежала тонкая белая линия инея и сразу исчезла.

Севран шагнул к полке. Спокойствие слетело с его лица так быстро, что стало ясно: этого он не ожидал.

— Что произошло? — спросила Рада.

— Ничего.

— Иней на внутренней стене в тёплый день — это измеряемое ничего?

Севран открыл узкий шкаф и проверил три медные стрелки. Одна дрожала у красной черты.

— Северный складской холод был связан с общей отводной жилой, — сказал он.

— Вы говорили, чаша действует только в одной комнате.

— Действовала. Лишнюю сырость она передавала в жилу, чтобы не перегружать хранителя.

— Арла назвала, что сырость складывается в тело Ловена.

— Основная часть — да.

— Значит, она не назвала полного действия.

— Для чаши полного.

— А для системы?

Севран закрыл шкаф.

— Для системы она ничего не знала.

Терен почувствовал холод не от стены. Малое чудо оказалось соединено с большим, а хранитель не знал соединения. Ловен соглашался платить за сухой склад, не за общую жилу цеха. Севран мог утверждать, что дополнительная часть облегчала его цену. Но она же делала человека частью устройства, которого он не видел.

— Сколько малых огней связано с городскими? — спросил Терен.

— Это не относится к осевой проверке.

— Теперь относится ко всякой цене. Хранитель может согласиться на чашу и не знать, что держит вашу стену.

— Он не платит за стену.

— Тогда кто платит?

Севран промолчал.

Где-то в мастерской звякнул колокол. По коридору пробежали шаги. Женщина в сером переднике вошла без стука.

— Старший, северная жила просела на два деления.

— Перекройте складскую ветвь и перенесите нагрузку на западную.

— Западная под переходной проверкой.

— Тогда на мою.

Женщина кивнула и ушла.

Медное кольцо на пальце Севрана потемнело. Не постепенно — будто по нему прошла тень. Старший сжал руку и спрятал её за спину.

— Это последствие? — спросил Терен.

— Это не ваше дело.

— Вы только что приняли дополнительную нагрузку.

— Чтобы ваше расследование не погасило ещё три помещения.

— Моё расследование вынесло рыбу до того, как правда прозвучала.

— А ваша уверенность, что малое чудо можно рассматривать отдельно, была ошибкой.

Терен не стал спорить. Ошибка была общей, но его доля в ней оставалась настоящей.

— Дайте список связанных помещений без описания чар, — сказал он. — Только адреса и безопасные меры на случай отключения.

— Нет.

— Тогда я остановлю все цеховые изделия, которые нельзя проверить отдельно.

— За шесть недель до перехода?

— До тех пор, пока не увижу меры замены.

— Вы обрушите подготовку города.

— Нет. Я заставлю вас показать, где одно чудо выдаётся за отдельное, оставаясь частью другого.

Севран подошёл совсем близко. Он был ниже Терена, но комната будто стала теснее.

— Вы всю жизнь вытаскивали клинья из дешёвых ящиков, Верес. Город не ящик. Вытащите один — нагрузка уйдёт в соседний. Не заметите — и правы будете ровно до обвала.

— Поэтому мне нужна схема нагрузки.

— А мне нужна уверенность, что вы не прочтёте её на площади.

— Я не раскрыл складскую цену.

— Вы привели человека, который раскрыл.

— И спас припасы до раскрытия.

— Потому что вам повезло получить десять минут.

Терен взглянул на потемневшее кольцо.

— Завтра на осевом дворе будут мои приборы. После проверки вы дадите перечень последствий отключения северного огня и связанных с ним ветвей. Без тайных слов. Если откажетесь, платформа останется на опорах.

— А если провал откроется через пять недель вместо шести?

— Тогда город должен знать, какие дома вы предлагаете поднять огнём, который никто вне цеха не умеет проверить.

Севран отступил.

— Приходите до рассвета. И приведите только Раду Нор.

— Почему?

— Потому что она умеет отличать число от любопытства.

Рада подняла бровь.

— Не уверена, что это похвала.

— Это требование.

На выходе им вернули инструменты. Женщина в сером переднике положила нож Терена в лоток рукоятку к себе, как полагалось при недоверии. Раде она отдала молоток прямо в ладонь.

У двери Терен оглянулся. В длинном зале мастера продолжали работать каждый в своей нише. Они делали части вещей, назначения которых могли не знать, для людей, чьей цены не видели. Разделение защищало чудеса от случайной правды. Оно же защищало Севрана от вопросов тех, кто исполнял его команды.

И всё-таки, когда малая ветвь оборвалась, старший перевёл нагрузку на себя, не позвав младшего хранителя. Власть и плата находились в одной руке. Это не оправдывало власть. Но делало её тяжелее, чем Терен хотел думать.

На улице Рада остановилась под медной трубой с крошечным знаком.

— Ты заметил нижнюю строку на бланке, — сказала она.

— Заметил.

— А я заметила, что он не солгал ни разу.

— Он выбирал, какую правду дать.

— Как хранитель.

— Как старший.

— Вот в этом и беда.

Они пошли к северному кварталу. За крышами синели лестничные огни. До осеннего хода оставалось пять недель и пять дней. Терен считал, что пришёл в цех проверить один фонарь. Вышел он с пониманием, что отдельного фонаря, возможно, вообще не существовало.

Глава 5. Имя на один вечер

До рассвета северный осевой двор походил на перевёрнутый корабль.

Над головой чернело днище квартальной платформы, под ним тянулись балки, цепи и девять рядов колёс. В щелях между домами ещё горели ночные окна, но здесь свет давали только четыре масляные лампы. Цеховой фонарь висел над главной осью тёмный, с пустой чашей и девятью насечками на медном боку.

Терен пришёл с Радой раньше назначенного часа. Они сами осмотрели грузы, сверили гири и опечатали ящик с выбранной железной болванкой. Корн Бражник встретил их хмуро. За ночь он успел разобрать лишнюю накладку, найденную при первой проверке, и теперь ждал случая доказать, что его люди умеют работать без надзора.

— Если вы снова остановите подъём, — сказал он, — скажите до того, как сорок человек возьмутся за ворот.

— Если снова найду семь лишних пудов, скажу ещё вчера.

— Сегодня их нет.

— Поэтому мы здесь.

Рада поставила на бочку песочные часы и прикрыла стекло ладонью от ветра. На земле лежали две известковые черты: первая показывала положение рычага без огня, вторая должна была отметить его ход после зажигания. Терен настоял, чтобы рабочие не знали ожидаемого числа. Севран на это согласился.

Старший пришёл один. На нём был тот же тёмный кафтан, но медного кольца на пальце не оказалось. Вместо кольца осталась красная полоса, словно металл всю ночь стягивал кожу.

— Где хранитель? — спросил Терен.

— Уже здесь.

Севран посмотрел вверх.

По лестнице с платформы спускалась Ная. Серебряный жетон был спрятан под курткой, однако цепочка блестела у ворота. За поясом она несла связку ключей и короткий мерный прут. Волосы были убраны под рабочий платок. Она увидела отца, задержалась на ступени и всё-таки сошла во двор.

— Ты знал? — спросила она у Севрана.

— Я назвал им только время и место.

— Удобный ответ.

Терен почувствовал укол почти отцовской гордости и тут же рассердился на себя. Ная не нуждалась в его одобрении, чтобы задавать старшему прямые вопросы.

— Я просил независимую проверку, — сказал он. — Не тебя в качестве хранителя.

— А я просила не приходить ко мне с допросом, — ответила Ная. — Это осевой двор, не мой дом.

— Выбирать будет она, — сказал Севран. — Если кто-либо из вас назовёт действие или цену огня, испытание прекращается. Если зададите вопрос, на который нельзя ответить без-опасно, хранитель имеет право молчать без объяснений.

— У неё есть право уйти? — спросил Терен.

— Есть, — сказала Ная раньше старшего. — Тогда испытание перенесут, а северную платформу сегодня не поднимут. Я не уйду.

Корн махнул рабочим. Люди налегли на пустой ворот, выбирая слабины цепи. Дерево застонало, крюки выпрямились. Рада следила за стрелкой динамометра собственного устройства: пружина в железной коробке тянула указатель вдоль размеченной полосы.

Первый подъём провели без фонаря. Запечатанную болванку подвели под короткое плечо коромысла, добавили два случайных ящика с обрезками и записали общий вес. Терен

сам поменял ящики местами, чтобы цех не мог заранее подогнать действие. Севран стоял в стороне и не вмешивался.

— Тридцать один пуд шесть фунтов на начале хода, — сказала Рада. — После ладони подъёма — двадцать девять и два.

Корн вытер руки паклей.

— Железо расходится. Второй замер будет чище.

— Будет три, — ответила Рада.

На втором получили почти то же число. На третьем Терен велел снять один из ящиков и заменить его бочонком песка. Рабочие ругались вполголоса, зато показания снова легли рядом.

Ная всё это время осматривала фонарь. Она проверила пальцем каждую застёжку, приложила мерный прут к подвесу, попросила Корна подтянуть правую скобу. Потом достала из кармана полоску тонкой бумаги, просунула её между рамой и стеклом и нашла едва заметную щель.

— Вчера снимали боковую грань? — спросила она.

Корн покачал головой.

— После установки никто не трогал.

— Трогал. Здесь свежая царапина, и прокладка села краем наружу.

Терен подошёл ближе, но не коснулся фонаря.

— Это влияет на действие?

— На действие — не скажу. На безопасность корпуса влияет. Если пойдёт дождь, вода попадёт к пластине.

— Пластина боится воды?

Ная посмотрела на него.

— Ты сейчас проверяешь корпус или пытаешься вытащить ещё один кусок?

— Корпус.

— Тогда достаточно того, что я сказала.

Она потребовала новую прокладку. Корн послал мальчишку в складскую будку, но Ная остановила его и выбрала материал сама: не промасленную кожу, а серый войлок из закрытого ящика. Сняла грань, показала всем погнутый угол и велела слесарю выправить рамку на деревянной колодке, без молотка по месту. Работала она спокойно и быстро. Севран не подсказал ни разу.

Терен видел перед собой не дочь, которая в детстве разбирала его часы и теряла винты под половицей. Мастер ещё не старший, но уже отвечающий за вещь, под которой через несколько часов встанут люди. Ему хотелось спросить, кто испортил прокладку и почему проверку оставили на утро подъёма. Он записал вопросы в книжку и промолчал.

Когда фонарь собрали, Ная попросила погасить две ближайшие лампы. Двор стал почти чёрным. Над краем платформы серело небо.

— Готовы? — спросила она.

Рада перевернула часы.

— Готовы.

Ная положила ладонь на холодное стекло. Никаких слов включения она не произнесла. Только закрыла глаза и несколько мгновений стояла неподвижно. Терен слышал, как рабочий у ворота дышит через нос, как песок сыплется в колбе и как где-то наверху хлопает незапертая ставня.

— Я знаю, — сказала Ная. — И не скажу.

Фонарь вспыхнул ровным синим светом.

Цепь дрогнула. Стрелка динамометра поползла назад, хотя никто ещё не взялся за рычаг.

— На места, — приказал Корн.

Рабочие подняли ворот. Рада называла показания, Терен записывал. На начале хода усилие уменьшилось на восемь пудов тридцать восемь фунтов. Во второй раз — на девять пудов четыре фунта. В третий — на восемь пудов сорок фунтов. Разброс был чуть больше вчерашнего, но укладывался в заявленную погрешность. После ладони подъёма помощь исчезала, как и говорил Севран.

— Действие подтверждено, — сказал Терен. — Для этого фонаря, в этих условиях и на первом участке подъёма.

Корн фыркнул.

— Ещё напишите, что утром было утро.

— Если кто-то продаст вам ночь под видом утра, напишу.

Он повернулся к Севрану.

— Теперь перечень последствий отключения.

Старший достал сложенный вчетверо лист.

— Северный огонь разгружает только первый ход главной оси. Прямых ветвей к другим изделиям нет. При отказе требуется восемь дополнительных работников или двойной ворот. Подъём прекратить, если усилие превысит отметку Рады Нор. Фонарь не использовать при нарушенной прокладке, трещине стекла и смещении подвеса.

— А общая жила?

— Этот огонь соединён с ней только для отвода избытка после завершения хода. Если он погаснет до отрыва оси, отдачи в жилу не будет. Если в момент отрыва — возможен краткий толчок на западной ветви. Там должны остановить подъём на один удар колокола.

— Это есть на листе?

Севран развернул бумагу. Последний пункт был вписан другими чернилами.

— Теперь есть.

Терен передал лист Раде. Она прочла, кивнула и расписалась как измеритель. Корн поставил подпись ниже. Затем бумагу протянули Нае.

Она взяла перо, обмакнула в чернила и уверенно вывела первую букву. Перо остановилось.

Терен стоял достаточно близко, чтобы увидеть написанное: «Н» и неровная черта вместо продолжения. Ная нахмурилась, снова коснулась листа. Рука двигалась, чернила ложились, но буквы выходили чужими: угловатыми, бессмысленными, будто она пыталась воспроизвести незнакомую надпись по памяти.

— Кляксу поставь, — сказал Корн. — Мы знаем, кто проверял.

— Клякса не подпись, — ответила Ная.

Она перевернула лист и попробовала на полях. Написала название цеха, слово «фонарь», сегодняшнее число. Все буквы получились ровными. Потом снова начала собственное имя — и рука ушла в сторону.

Терен почувствовал, как внутри него раскрывается знакомая холодная пустота. Так бывало, когда под красивым корпусом он находил спрятанную пружину. Только сейчас корпусом была его дочь.

— До какого срока? — спросил он.

— До заката, — сказала Ная.

Синие огни не дрогнули. Значит, эти слова не составляли полной цены или не разрушали действие.

— Ты знала заранее?

— Да.

— Где ещё ты сегодня должна подписаться?

— Это не относится к проверке фонаря.

— Относится к последствиям цены.

— Последствия согласованы.

— Кем?

— Мной.

Севран протянул Нае маленькую костяную печать. На одной стороне была ладонь над огнём, на другой — номер её жетона.

— Для цеховых актов до заката достаточно печати хранителя, — сказал он.

— А для городских? — спросил Терен.

Севран не ответил. Ная прижала печать к чернилам и оставила знак рядом с испорченным росчерком.

— Для городских я сегодня ничего не подписываю.

— Сегодня подают окончательные списки квартир перед переносом северного квартала, — сказал Терен.

Ная закрыла чернильницу.

— Я знаю.

Её комната находилась в доме матери. После развода родителей запись на жильё оставили на Лиссе Верес, но три года назад Ная внесла долю из заработка и получила право голоса при переносе. Без её подписи дом всё равно поехал бы. Однако мастерская Наи стояла отдельно, в бывшем сарае на общей платформе. Городской писец требовал подпись каждого нанимателя, иначе помещение считалось бесхозным и могло быть снято перед ходом.

— Твоя мастерская, — сказал Терен.

— Я успею после заката.

— Приём заканчивается с шестым колоколом.

— Я договорилась с писцом.

— Писец не имеет права принимать после шестого.

— Поэтому я заказала доверенность заранее.

Терен посмотрел на костяную печать.

— На кого?

— На маму.

— Лисса сегодня в южном квартале. Она принимает кожаный товар до вечера.

Впервые за утро уверенность Наи дала трещину.

— Она обещала вернуться к пятому.

— Южный мост закрыли на перекачку ещё ночью. Обход займёт два часа.

Ная вытащила из кармана сложенную доверенность. Внизу уже стояла её подпись, сделанная накануне, и пустовало место для Лиссы. Бумага была законной. Беспольной её делало отсутствие доверенного человека.

— Я найду другого, — сказала Ная.

— Новую доверенность ты не подпишешь.

— Найду способ.

— Вот способ. Ты сейчас отказываешься от хранения, свет гаснет, и мы поднимаем платформу двойным воротом.

Корн выругался.

— Ещё восемь человек у меня будут только после обеда.

— Значит, после обеда.

Ная убрала бумагу.

— Нет.

— Ты не можешь распорядиться своей мастерской.

— Один день.

— Достаточно одного дня, чтобы городской писец снял её с платформы.

— Не снимет.

— Потому что старший поговорит с ним?

— Потому что я сама решу.

Терен шагнул к фонарю. Ная встала между ним и цепью.

— Не трогай.

— Я не собираюсь гасить его правдой.

— Ты собираешься сделать моё решение недействительным, пока не услышишь удобный тебе ответ.

— Решение действительно, только когда человек знает последствия.

— Я знала.

— Ты не знала про мост.

— Мост не часть цены.

— Но он сделал цену опаснее.

— Дождь тоже может сделать её опаснее. Или болезнь писца. Мне нужно было расспросить весь город до того, как согласиться на один вечер без подписи?

— Тебе нужно было иметь право остановиться, когда обстоятельства изменились.

— Оно у меня есть. Я не останавливаюсь.

Севран молчал. Терен повернулся к нему.

— Вы позволите ей продолжить?

— Она совершеннолетний мастер и хранитель.

— Ученица.

— Мастер по корпусам. Ученица по хранению.

— Какая удобная ступень: достаточно мастер, чтобы платить, и недостаточно старшая, чтобы знать целое.

Ная резко сняла с шеи серебряный жетон.

— Не говори обо мне так, будто меня здесь нет.

Она вложила жетон Терену в ладонь. На обороте мелкими знаками были выбиты срок допуска и номер записи. Рядом шла более свежая насечка — короткая, косая.

— Это отметка сегодняшней цены, — сказала Ная. — Я сама выбрала её из трёх. Могла не называть цвет до полудня. Могла не касаться денег до заката. Выбрала имя в письме, потому что подготовила доверенность. Ошиблась с дорогой матери, но это моя ошибка. Не цех украл у меня подпись. Я отдала её на один вечер, чтобы сорок человек не сорвали спины на первом подъёме.

— Они могли подождать восемь работников.

— А западный квартал ждёт этот ворот после полудня. Если мы задержим северный, там не успеют проверить тормоз до дождя. Можно обойтись без огня. Нельзя притворяться, что обход ничего не стоит.

Терен сжал жетон. Металл был тёплым от её тела.

— А если Севран продлит цену?

— Тогда нарушит моё согласие.

— В бланке ты разрешила продление при угрозе.

— До смены хранителя и только при угрозе людям.

— Кто решает, что угроза есть?

— Старший.

— Вот именно.

— И это плохое правило. Я спорила о нём до твоего прихода. Но плохое правило не превращает всякое моё решение в чужое.

Она забрала жетон из его руки.

— Ты нашёл строку, которую надо менять. Хорошо. Меняй строку. Не меняй меня на послушную дочь, которая считается свободной, только когда выбирает то же, что отец.

Рабочие отвернулись к вороту. Корн делал вид, что проверяет цепь. Рассвет уже проступал между домами, и лицо Наи стало видно без лампы: бледное от недосыпа, сердитое, взрослое.

Терен мог приказать остановить подъём. Медный знак позволял ему задержать изделие до выяснения безопасности. Причина нашлась бы: новая прокладка, неизвестный толчок в западной ветви, отсутствие подписи хранителя. Любой писец принял бы формулировку. Ная сохранила бы имя до вечера, но потеряла бы право утверждать, что решение было её.

Он убрал книжку в карман.

— Корн, сколько времени займёт подготовить двойной ворот к следующим подъёмам?

— Если дадут людей — полдня. Если не дадут — до завтра.

— Подготовьте всё равно. Этот огонь подтверждён как помощь, не как необходимое условие.

— Запишете?

— Уже записал.

Он посмотрел на Наю.

— Сегодняшнее хранение я не останавливаю. Но акт без подписи не принимаю. Печать цеха подтверждает вашу должность, не ваше согласие.

— И что ты предлагаешь?

— Свидетельскую запись. Ты при двух независимых людях заявляешь, что выбрала цену заранее, знаешь срок и сейчас не отказываешься. Мы не называем содержание цены сверх уже сказанного. После заката ты ставишь подпись под той же записью. Если не сможешь или передумаешь, акт остаётся неподтверждённым.

Рада достала чистый лист.

— Такого порядка в городском уставе нет.

— Нет.

— Значит, писец может его отвергнуть.

— Может. Но для проверки у нас будет не клякса и не цеховая печать, а её собственные слова с правом отказаться позже.

Ная подумала.

— Запиши ещё, что обстоятельства изменились после согласия: закрыли южный мост, и доверенное лицо может не успеть. Я знаю об этом и продолжаю хранение.

Терен кивнул.

Рада писала крупно, оставляя между строками место для поправок. Ная прочла запись дважды. Затем вслух подтвердила каждую строку. Ни имя, ни точное действие огня, ни устройство цены они не произносили. Свидетелями стали Рада и Корн. Севран предложил свою подпись, но Терен отказался: старший был стороной соглашения, не независимым свидетелем.

— Разумно, — сказал Севран и не обиделся.

После проверки Корн начал настоящий подъём. Восемь человек взялись за рычаг, остальные следили за башмаками под колёсами. Синий огонь наполнил стекло. На первом движении ворот пошёл легче, затем вес вернулся, и рабочие навалились плечами. Платформа поднялась на ширину ладони. Под неё загнали новые опоры.

Ная не ушла, когда измерения закончились. Она обошла каждый подвес, проверила нагрев скоб, заставила заменить перетёртый ремень на страховочной цепи. Когда один из слесарей предложил оставить его до большого хода, она сняла ремень и разрежала ножом, чтобы никто не повесил обратно.

— Это ремень Корна, — заметил Терен.

— Был ремень. Теперь две бесполезные полосы.

Корн усмехнулся в бороду.

— Вот поэтому я и пускаю её к своим осям.

К третьему колоколу северная платформа стояла на новых опорах. Фонарь погас сам. Ная пошатнулась, но удержалась за балку.

— Цена закончилась? — спросил Терен.

— Нет. До заката.

— Тогда почему...

— Потому что я не завтракала.

Корн сунул ей кусок хлеба с сыром. Она съела половину стоя, вторую завернула в бумагу и убрала в карман. Потом вынула доверенность и посмотрела на неё так, словно бумага была неисправной деталью.

— Писец сидит где? — спросила она.

— В северной управе, — ответил Терен.

— Я знаю, где он сидит. Где его можно найти после шестого?

— Дома на Канатной улице. Но он не примет запись после срока.

— Принять после срока и удостоверить, что подпись сделана после заката, — разные вещи.

Терен понял её замысел.

— Ты подашь бумагу сейчас без подписи?

— С твоей свидетельской записью. Пусть поставит входящий номер и время. После заката я подпишу при нём. Если откажет, мастерскую снимут с перечня до разбора. Тогда я сама найду ей место на грузовой платформе.

— Она весит триста пудов.

— Двести семьдесят четыре. Я считала.

— На грузовых нет свободного места.

— У Грана есть две телеги и долг перед городской проверкой.

Терен почти улыбнулся.

— Он потребует снять запрет на выступления.

— А ты не снимешь. Значит, согласится за уменьшение штрафа.

— Ты уже говорила с ним?

— Нет. Я умею думать без предварительного разрешения.

Она забрала у Рады свидетельский лист и пошла к выходу со двора.

— Ная, — позвал Терен.

Дочь остановилась, но не обернулась.

Он хотел предложить пойти с ней в управу. Медный знак заставил бы писца хотя бы выслушать. Но помощь, которую нельзя отвергнуть, слишком походила на ещё одну форму приказа.

— Если тебе понадобится свидетель после заката, пришли мальчишку в контору, — сказал он. — Рада или я придём. Кого выберешь.

Ная повернула голову.

— Раду.

— Хорошо.

— И ты не пойдёшь следом в управу.

— Не пойду.

Она ушла.

Севран дождался, пока за ней закроются ворота.

— Вы уступили поздно, — сказал он.

— А вы слишком рано решили, что имеете право оценивать.

— И всё же уступили.

— Я признал её решение. Это не уступка вам.

— Конечно.

Терен посмотрел на него.

— Если цена продлится хоть на минуту после заката, северный огонь больше не зажгут до отдельного разбирательства.

— Согласен.

— Так просто?

— Я не собирался её продлевать.

— Бланк позволяет.

— Возможность нужна на случай обрыва оси во время хода.

— Тогда впишите: только пока длится непосредственная работа по спасению людей, с записью причины и независимым свидетелем после окончания.

— Вы уже составляете правила цеха?

— Нет. Я составляю условия, при которых городская проверка признает цену добровольной.

Севран поднял глаза на погасший фонарь.

— Принесите формулировку завтра.

— Вы её рассмотрите?

— Я найду в ней дыру. Потом вы найдёте дыру в моей. Возможно, к переходу останется правило, через которое не провалится человек.

Это было ближе к согласию, чем Терен ожидал. Он не протянул руки. Севран тоже.

У шестого колокола в контору прибежал посыльный из северной управы. Писец принял заявление Наи, поставил входящий номер и оставил подпись незаполненной до заката. Мастерскую временно поместили жёлтой нитью: не снимать с платформы и не считать принятой окончательно.

Рада ушла свидетелем на Канатную улицу. Вернулась она уже в темноте, когда Терен заканчивал перечень вопросов к цеху.

Она положила перед ним копию. Внизу стояло ровное: «Ная Верес». Рядом писец указал время — через семь минут после заката.

— Получилось? — спросил Терен.

— С третьего раза. Первые две подписи она зачеркнула сама: сказала, что рука ещё помнит чужой запрет. Писец ворчал, но удостоверил. Мастерская остаётся на платформе.

— Она что-нибудь передала?

— Да. Просила не праздновать победу. Это была её мастерская, её решение и её беготня по городу.

Терен сложил копию.

— Справедливо.

— Ещё сказала, что завтра пришлёт тебе счёт за две лишние гербовые марки.

— Тоже справедливо.

Рада села напротив.

— Ты видел главное?

— Цена отняла не имя. Она отняла действие, для которого имя требовалось.

— И всё, что могло зависеть от этого действия. Сегодня мастерская. В другой день — жалоба, наследство, согласие на лечение, получение платы.

Терен открыл журнал и записал: «Нельзя измерять цену только сроком. Нужно перечислять права и дела, которые человек не сможет совершить в этот срок». Ниже добавил: «Изменение обстоятельств должно возвращать право отказаться без наказания».

Он вспомнил, как легко собирался остановить огонь вместо Наи. Слово «добровольно» не становилось ложью только потому, что выбор ему не нравился. Но и подпись под старым бланком не делала любое последствие приемлемым навсегда.

На копии имя дочери выглядело совершенно обычно. Девять букв, две из которых она в детстве писала зеркально. До этого дня Терен считал имя тем, что человек носит внутри и не может потерять. Теперь оказалось, что имя живёт ещё и снаружи: на договоре, двери, мастерской, доле дома, жалобе. Отнять его на один вечер значило не сделать человека безымянным. Значило заставить весь город на один вечер сомневаться, имеет ли он право говорить от собственного лица.

Терен погасил лампу только после того, как переписал завтрашнее условие начисто.

Глава 6. Ярмарка разоблачений

Гран Ловчий вернулся на рынок под чужим именем и с собственным лицом.

Над новым шатром висела вывеска «Мастер Клин разоблачает обманщиков». На ней был нарисован человек с молотком, разбивающий стеклянный шар. Сам Гран стоял у входа без колец и в коричневом кафтане. Он приклеил седые бакенбарды, но даже ребёнок узнал бы его по привычке показывать ладони перед каждой фразой.

Терен увидел очередь ещё с верхней улицы. Люди платили не за чудо, а за право разоблачить его вместе с мастером Клином. Из шатра каждые несколько минут доносился победный крик. Потом выходил довольный зритель с деревянным жетоном «Я не дал себя обмануть».

— Быстро он сменил ремесло, — сказала Рада.

— Не сменил. Перевернул вывеску.

После закрытия «Белой искры» Гран должен был вернуть деньги покупателям и явиться в управу для расчёта штрафа. Вместо этого он исчез с настоящим фонарём. Два дня стража проверяла городские ворота, хотя Терен был уверен: Гран никуда не уехал. Человек, умеющий зарабатывать на толпе, редко добровольно уходит туда, где его никто не знает.

У входа мальчишка в красном жилете раздавал жетоны. Тот самый, что в день первого разоблачения кричал о пустой кассе и помог устроить давку.

Увидев медный знак Терена, он сунул миску под прилавок.

— Сегодня бесплатно для городских служащих.

— Особенно для тех, кому ваша артель должна деньги?

— Артели больше нет. Это мастер Клин.

— А ты кто?

— Помощник мастера Клина.

— Имя.

Мальчишка оглянулся на полог.

— Пель.

— Полное.

— Пель Орш. Я ничего не подписывал.

— Пока не просили.

Терен взял из миски жетон. На одной стороне человечек разбивал шар, на другой мелко было вырезано: «Участник отвечает за испорченное имущество». Он показал надпись Раде.

— Хороший порядок, — сказала она. — Сначала человек платит, потом ломает вещь, потом платит ещё раз.

Пель потянулся за жетоном.

— Там всё честно. Ведущий предупреждает.

— Тогда предупреждение выдержит проверку.

Они вошли.

Внутри шатёр был разделён на сцену и три ряда скамеек. На сцене стояли столы с чудесами: кувшин, из которого лилась красная вода, клетка с исчезающей птицей, ящик, угадывающий монету, и зеркало, показывающее человеку седые волосы. За каждым предметом находился отдельный «чудотворец» в слишком ярком костюме.

Гран как раз приглашал на сцену женщину в синем платке.

— Выберите обман, госпожа. Сегодня вы не жертва. Сегодня вы судья.

Женщина указала на кувшин.

Чудотворец поднял сосуд и налил в прозрачную чашку красную воду. Гран предложил зрительнице осмотреть стол, рукава и дно кувшина. Она ничего не нашла.

— Что скажете? — спросил он у публики.

— Краска в ручке! — крикнул кто-то.

— Двойная стенка!

— Порошок в чашке!

Женщина выбрала порошок. Гран торжественно разбил чашку молотком. На дне обнаружилась тонкая красная корка. Зрители захлопали. Чудотворец поклонился, будто поражение было его лучшим номером.

— Победитель получает жетон ясного глаза! — объявил Гран. — А лжец оплачивает разбитую чашку!

Женщина засмеялась. Чудотворец протянул ей расписку, где значились две медные монеты за участие и шесть — за посуду. Смех оборвался.

— Но разбили вы.

— По вашему решению, — сказал Гран мягко. — Правила висят у входа.

— Такими буквами, что муравей не прочитает.

— Вы могли спросить.

Зрители зашумели, но двое широкоплечих служителей уже встали у выхода. Не преградили дорогу — только сделали её уже.

Терен поднялся.

— Представление окончено.

Гран прищурился, будто увидел в зале особенно удачного участника.

— Господа, редкий подарок. Сам Терен Верес, самый дорогой разоблачитель Ковчegov. Сегодня он покажет, как закрыть законное увеселение, не прочитав правил.

— Покажу, как вымогают плату за заранее назначенную порчу имущества.

— Женщина сама выбрала способ проверки.

— Из трёх ответов, которые выкрикнули ваши люди.

В первом ряду перестали хлопать. Мужчина, кричавший про порошок, поднялся.

— Я не его человек.

— Ваш жетон, — сказал Терен.

— Что?

— Покажите жетон за вход.

Мужчина полез в карман и вынул деревянный кружок. На обороте не было надписи об ответственности. Вместо неё стояла чёрная точка.

Терен указал на другого крикуна. У того нашёлся жетон с двумя точками. У третьего — с тремя.

— Первое, второе и третье предположение, — сказала Рада. — Выкрикивают по порядку, а настоящий зритель выбирает одно.

Гран развёл руками.

— Постоянные участники помогают публике не молчать. Где здесь преступление?

— В счёте за чашку. Ваш человек назвал правильный ответ, вы разбили заранее подготовленную посуду, а платить заставляете женщину.

— Она может отказаться.

Служители у выхода одновременно сделали шаг в сторону, будто только сейчас вспомнили о свободной двери.

Терен подошёл к женщине и разорвал расписку пополам.

— Может.

Гран перестал улыбаться.

— Это имущество предприятия.

— Предъявите иск. Заодно предъявите разрешение на торговлю под именем мастера Клина.

— Клин — сценическое имя.

— В разрешении записан кто?

Гран посмотрел на Пеля. Мальчишка уже исчез из входного проёма.

— Бумаги в кассе, — сказал Гран.

— Рада, закройте кассу печатью. Корнелю сообщите, чтобы прислал двух стражников и писца. Никого не задерживать, кроме владельца. Зрителей выпустить после записи имён тех, с кого требовали доплату.

— А представление? — спросил кто-то с задней скамьи.

— Можете остаться. Теперь разоблачение настоящее.

Остались почти все.

Гран сел на край сцены.

— Вы всё ещё не понимаете, почему они приходят.

— Потому что хотят почувствовать себя умнее мошенника.

— И получают это чувство. Дешевле хорошего обеда.

— Пока вы не выставяете второй счёт.

— Второй счёт платит один из десяти. Остальные получают удовольствие от его возмущения.

Женщина в синем платке швырнула в него половиной расписки.

— Спроси теперь, получила ли я удовольствие.

Гран поймал бумагу и аккуратно положил рядом.

— Вы получили знание. В следующий раз прочтёте оборот жетона.

— За мои же деньги учишь меня не верить тебе?

— Лучшие уроки всегда оплачены.

Терен поднялся на сцену. Он не собирался устраивать Грану удобный спор о природе зрелищ. По опыту мошенник выигрывал всякий разговор, в котором предмет заменяли красивым вопросом.

— Покажите кассу.

— Ждём писца.

— Тогда покажите кувшин.

Гран кивнул чудотворцу. Тот принёс сосуд.

Терен осмотрел ручку и двойную стенку. Никакой скрытой ёмкости не было. Красная корка действительно лежала в чашке и растворялась в воде. Обман был нарочито прост, рассчитан на то, чтобы публика его нашла.

— Следующий предмет, — сказал Терен.

В клетке птица не исчезала. Дно поворачивалось, пряча белого голубя и показывая такого же серого на обратной стороне. Ящик с монетой имел зеркало у задней стенки. Седину в стекле давала белая пудра на второй отражающей пластине. Все секреты были грубыми и безопасными. Все ответы подсказывали люди Грана. В каждом номере выбранный зритель должен был что-нибудь разбить, разрезать или утопить, а потом получить счёт.

— Сколько вы собрали доплат? — спросил Терен.

— Касса ответит.

— Сколько вернули после спора?

— Касса не помнит разговоров.

— Зато люди помнят.

Рада уже записывала имена. Из сорока зрителей шестеро получили требования оплатить имущество. Трое заплатили. Один мужчина признался, что отдал деньги у входа, потому что служители пригрозили позвать стражу. Служители заявили, что лишь объясняли возможные последствия.

Настоящие стражники прибыли с городским писцом Олем Жатвой. Оль был худ, сутул и относился к ярмарке как к погоде: терпел, пока она не заливала бумаги. Он проверил разрешение, найденное в железном ящике под кассой.

— Выдано Грану Ловчему на показ механических забав, — прочитал он. — Приостановлено три дня назад. Продолжение торговли запрещено до расчёта возвратов.

— А мастер Клин? — спросил Гран.

— Не существует.

— Перед вами стоит.

— Передо мной стоит Гран Ловчий с плохо приклеенной шерстью.

По шатру прошёл смех. Гран снял один бакенбард и посмотрел на клей.

— Действительно плохо.

Оль начал считать деньги. Медные монеты складывал десятками, серебро отдельно, расписки отдельно. Рада проверяла итог. Терен осматривал ящик.

Касса имела обычный замок, одно дно и потёртую зелёную подкладку. В дальнем углу лежала круглая медная пластинка размером с ноготь. Сначала Терен принял её за жетон. Потом увидел ладонь над пламенем.

Он не стал брать пластинку пальцами. Поддел её пером и положил на чистый лист.

— Это ваше? — спросил у Грана.

Тот взглянул слишком быстро.

— Монета.

— На ней нет стоимости.

— Жетон поставщика.

— Какого?

— Не помню.

Терен перевернул пластинку. На обороте были девять насечек и выбитая буква «Р».

Севран показывал в книгохранилище цветные тетради, но такой вещи Терен там не видел. Ная носила серебряный жетон с номером. Эта пластинка была проще, старше и явно цеховая.

— Рада, заверните отдельно.

Гран спрыгнул со сцены.

Стражник выставил руку.

— Я не задержан, — сказал Гран.

— Уже задержан, — ответил Оль, не отрываясь от счёта. — Торговля после приостановления разрешения, повторное требование денег с покупателей и ложное имя в объявлении. До решения управы посидите спокойно.

— Жетон не относится к торговле.

— Поэтому вы так хотите до него добраться? — спросил Терен.

Гран медленно сел обратно.

Рада завернула пластинку в бумагу, перевязала нитью и поставила печать измерителя на узле. Потом поднесла свёрток к уху.

— Не звенит, не греется, не холодит.

— Это просто пропуск, — сказал Гран.

Терен посмотрел на него.

— Куда?

Мошенник закрыл глаза на мгновение. Когда открыл, прежняя насмешка вернулась, но с опозданием.

— В склад реквизита.

— Назовите адрес.

— Старые красильни.

- Номер.
- Там нет номеров.
- Кто выдал?
- Нашёл.
- Где?
- На улице.
- Почему храните в кассе?
- Люблю медь.

Каждый ответ можно было произнести. Значит, он либо не знал полной правды о пластинке, либо она не держала заклинание. Но страх оставался обычным и вполне измеримым: Гран следил за свёртком, а не за серебром, которое Оль уже готовил к изъятию.

— В первый день у вас был настоящий фонарь, — сказал Терен. — Сегодня в кассе цеховой пропуск. Между этими днями вы успели открыть новое представление, хотя выручку первого должны вернуть. Кто дал деньги?

- Зрители.
- Сегодняшние деньги ещё в кассе.
- Я умею занимать.
- У кого?
- У людей, которые верят в моё искусство.

Женщина в синем платке снова засмеялась, на этот раз зло.

— Назовите займодавца, — сказал Терен.

— Не обязан.

— Писец проверит расчёт. Если деньги законные, долг запишут до штрафа. Если скрываете доход, прибавят взыскание.

Гран пожал плечами.

— Прибавляйте.

Он предпочёл лишиться денег, но не назвать источник. Упрямство не доказывало цехового заказа. Люди молчали из верности, страха, расчёта и простого желания досадить проверяющему. Терен записал отказ, не делая вывода.

Оль закончил счёт. Денег хватало, чтобы вернуть прежним покупателям меньше половины долга. Новые доплаты лежали отдельно и подлежали немедленному возврату. Разрешение писец изъял.

— Шатёр опечатать, имущество оставить под охраной до утра, — распорядился он. — Ловчего в управу.

— А люди? — спросил Гран. — Им же обещали разоблачение.

— Получили, — сказала женщина в синем платке.

Когда зрители разошлись, Терен осмотрел заднюю часть шатра. Там стояли сундуки с костюмами, запасные чашки и ведро деревянных жетонов. Жетоны были разделены по мешочкам: без отметки для публики, с точками для подсказчиков, с косым крестом для тех, кто должен был спорить из-за цены. В отдельном конверте лежали списки реплик.

Рада прочитала одну:

- «Проверяющий отнимает у бедных последнее чудо». Это говорили тебе в первый день.
- Помню.
- «Если всё обман, почему детям нравится?» Тоже говорили.
- Помню.

На листе стоял порядок выкриков, реакции на вскрытие и пометка: «При появлении Вереса перейти к возврату, вывести старый предмет через задний ряд».

Терен перечитал строку.

— Суматоха была подготовлена.

- Гран ждал тебя.
- Или того, кто придёт проверять.
- Здесь твоё имя.

Это меняло первый день. Гран не просто воспользовался толпой после разоблачения. Он заранее отвёл проверяющему роль, подготовил крики и путь отхода настоящего фонаря. Поддельный свет был приманкой.

Под листом лежала ведомость выплат. Подсказчикам платили по две медные монеты за представление. Служителям — по четыре. Пелю — одну и питание. В конце первой страницы стояла строка без имени: «За шум у северного ряда — десять серебряных, получено заранее». Вместо подписи был отпечаток круглой пластинки: ладонь над пламенем и девять насечек.

- Вот зачем жетон был в кассе, — сказала Рада. — Им подтверждали получение.
- Буква «Р»?
- Может быть, ряд. Может, расчёт.
- Может, имя.

Терен сравнил отпечаток с найденной пластинкой. Совпадали царапина у третьей насечки и вмятина на краю. Десять серебряных получили именно этим жетоном.

Он позвал Оля, уже стоявшего у выхода.

- Добавьте к описи ведомость. Особенно последнюю строку.

Писец прочёл и присвистнул.

- За шум платят лучше, чем за честную работу.
- Вопрос — кто платит.
- Знак цеха.
- Знак можно украсть или подделать.
- Медник скажет.

Терен покачал головой.

— Сначала спросим цех, выдавали ли такой жетон. Не сообщайте про ведомость до ответа.

- Думаете, перепишут книги?
- Думаю, доказательство полезнее подозрения.
- Оль заверил лист печатью. Рада сделала копию при двух стражниках.

Грана уже вывели наружу. Он стоял между стражниками, снова без бакенбардов, и наблюдал, как с шатра снимают вывеску мастера Клина.

Терен подошёл к нему с копией ведомости.

- Вам заплатили десять серебряных за шум у северного ряда.
- Значит, бухгалтерия у меня лучше, чем вы думали.
- Шум должен был привести меня к поддельному фонарю.
- Вы сами пришли.

— Вы ждали именно меня. Пока я вскрывал химический свет перед толпой, настоящий фонарь лежал сзади. Когда я его нашёл, ваши люди начали заранее написанный спор и вывели вас через склады.

- Хорошее представление требует подготовки.
- Кто заказчик?

Гран посмотрел на тёмный цеховой жетон в бумаге.

- Вы нашли знак. Зачем вам человек?
- Потому что знак не принимает решений.
- Вот тут вы ошибаетесь. Люди видят знак и принимают решение за него.
- Вы получили деньги от Севрана?
- Не знаю, кто это.

Имя он произнёс без труда. Ложь ничего не изменила вокруг: не погасли фонари, не дрогнула земля. Терен и не ожидал. Настоящая магия не была весами правды.

— От Наи Верес?

Гран усмехнулся.

— Вы спрашиваете как отец или как проверяющий?

Терен удержал лицо неподвижным.

— Как человек, который добавит к вашему делу отказ отвечать о происхождении денег.

— Тогда отказываюсь.

— Фонарь где?

— В безопасном месте.

— Для кого безопасном?

— Для фонаря.

Стражник подтолкнул его к управе. Гран сделал несколько шагов, потом оглянулся.

— Верес, вы ведь понимаете, что я вам помог?

— Вы устроили мошенничество.

— Я дал вам простое чудо, которое приятно ломать. Люди ушли довольные, вы ушли правым. Разве не так должен работать хороший город?

— А настоящий фонарь ушёл вместе с вами.

— Именно. Некоторые вещи целее, пока все смотрят на кувшин с краской.

Его увели.

Рада встала рядом с Тереном.

— Это признание?

— Хвастовство. В деле оно ничего не весит без заказчика и фонаря.

— Зато ведомость весит.

— Ведомость доказывает оплату за шум человеком с жетоном. Не доказывает, что платил цех.

— Ты защищаешь Севрана?

— Защищаю проверку от удобного вывода.

Они сняли размеры жетона, зарисовали знак и запечатали оригинал в городскую кассу. Потом Терен осмотрел место, где в первый день стояла телега. Следы давно затоптали, но между досками нашлась синяя стеклянная крошка. Такая же могла выпасть из сотни ярмарочных фонарей. Он всё равно завернул её отдельно.

К вечеру перед шатром собрались прежние покупатели «Белой искры». Оль начал возвраты из изъятых кассы. Денег на всех не хватило. Люди получали номер требования и обещание доли после продажи реквизита.

Женщина в синем платке стояла первой. Получив свои восемь монет, она не ушла.

— Мой мальчик был здесь позавчера, — сказала она Терену. — Платил за северный свет. Домой принёс пустую склянку и рассказывал, что видел настоящее чудо. Я сказала, что его обманули. Теперь выходит, настоящее тоже было?

— Был предмет, устройство которого мы не установили.

— Опять слова писца. Было или нет?

Терен мог ответить осторожно и сохранить привычную границу. Но эта граница уже помогла Грану: пока проверяющий говорил только о доказанном обмане, настоящий фонарь вынесли за спинами возмущённых людей.

— Был свет без топлива, который не погас в воде, — сказал он. — Гран боялся объяснить его и унёс. Я считаю, что это настоящее цеховое изделие, пока проверка не покажет иное.

Женщина нахмурилась.

— Значит, он всё-таки показал чудо.

— Не вам и не вашему сыну. Он спрятал его за подделкой.

— Зачем?

— Чтобы проверяющие тратили время на шум. Это сейчас выясняем.

Она посмотрела на разобранную вывеску.

— А жетон «ясного глаза» можно оставить?

— Хотите помнить урок?

— Хочу растопить печь.

Терен отдал ей деревянный кружок.

Когда площадь опустела, Рада раскрыла журнал.

— Что пишем?

— Гран продавал не только поддельные чудеса. Он продавал поддельные разоблачения. В обоих случаях заранее назначал, что увидит публика и кто заплатит.

— А цех?

— Завтра покажем Севрану рисунок жетона, не называя найденное место. Если признает — спросим учёт. Если не признает — отнесём меднику.

— А если жетон держит чудо?

— Мы не знаем его действия и цены. Рисунок безопаснее полного описания, которого у нас всё равно нет.

Рада закрыла журнал.

— Ты заметил, что теперь тоже делишь сведения?

Терен посмотрел на опечатанный конверт у Оля.

— Заметил.

— Нравится?

— Нет.

— Зато работает.

Это была бы любимая фраза Севрана. Терен не ответил.

Над рынком зажигали обычные масляные фонари. В каждом было видно масло, фитиль и копать на стекле. Они не становились чудом от того, что люди не знали имени мастера. Их можно было разобрать, повторить и починить. Но даже вокруг простого света оставались вещи, которые приходилось временно держать при себе: место находки, ход проверки, имя подозреваемого.

Разница между тайной и осторожностью больше не казалась Терену очевидной. Он решил искать её не в молчании самом по себе, а в том, кто получает право выбрать срок и кто платит, если срок окажется удобен только хранителю секрета.

Глава 7. Кто платит молчанием

Рада принесла в контору три одинаковые коробки и немного сапожника.

Коробки были сосновые, с медными петлями и круглыми отверстиями в крышках. Сапожника звали Мирт Сой. Он слышал, понимал речь и с рождения не мог произнести ни звука. Объяснялся пальцами, дощечкой и выразительными взглядами, которыми, по словам Рады, умел взыскивать долг лучше любого писца.

— Нет, — сказал Терен, едва понял замысел.

Мирт поднял бровь.

— Я не стану проверять городское чудо на человеке, который не может остановить его словами.

Сапожник быстро написал на дощечке: «Я могу писать».

— Полная правда должна прозвучать вслух.

Мирт стёр надпись рукавом и написал: «Тогда опыт ничего у меня не отнимет».

— Именно поэтому он ничего не докажет, — ответил Терен. — Если заклинанию нужен человек, способный рассказать, ваша невозможность говорить может оказаться не платой, а пустым местом.

Рада поставила коробки на стол.

— Вот это и проверим. Не на заклинании. На пустых формулах.

— Пустая формула не работает.

— Если Севран прав, не работает. Если цех скрывает более простое устройство, мы увидим хотя бы один след.

Терен обошёл стол. В первой коробке лежал кусок мела, во второй — железный шарик, в третьей — пустая стеклянная чашка. На внутренних стенках были нарисованы круги, линии и девять насечек, похожие на цеховые. Слишком похожие.

— Откуда рисунок?

— Придумала.

— Насечки?

— Девятку ставят на всём в Ковчехах. Ты сам говорил.

— Севран обвинит нас в подделке цехового изделия.

— Пусть сначала докажет, что это изделие.

Мирт написал: «Мне обещали четыре серебряных».

— Получите независимо от результата, — сказал Терен.

Сапожник показал четыре пальца, затем ткнул в Раду.

— Она обещала четыре?

Рада кивнула.

Мирт добавил на дощечке: «Каждому».

— Каждая коробка не является отдельным работником.

«Мне придётся молчать три раза».

Терен посмотрел на Раду.

— Ты привела лучшего переговорщика в городе.

— Поэтому он здесь.

Они сошлись на шести серебряных и горячем обеде. Оль Жатва пришёл свидетелем, недовольный тем, что его оторвали от описи имущества Грана. Увидев коробки, он попросил письменно подтвердить, что опыт не относится к городской казне, наследству и брачным обещаниям.

— К брачным почему? — спросила Рада.

— Вчера ко мне пришёл человек, который пять лет обещал жениться, а теперь утверждает, что обещание было пустой формулой.

— И что вы решили?

— Что он пять лет пользовался работающим чудом.

Оль составил акт опыта. В нём перечислили предметы, отсутствие цеховых деталей, оплату Мирту и право любого участника прекратить проверку. Затем Рада объяснила три задачи.

В первой Мирт должен был узнать придуманное назначение коробки и сознательно не сообщать его в течение ста ударов маятника. Во второй он не должен был знать назначения вовсе. В третьей назначение сообщали Олю, но писец обязан был читать вслух всё, что видел, и потому заранее не мог согласиться молчать.

— Вы проверяете три вещи сразу, — сказал Терен. — Знание, возможность и выбор.

— Наконец-то ты слушаешь.

— Я слушал с первой коробки.

— С первой коробки ты запрещал.

Мирт постучал по столу и написал: «Начинайте, пока обед не остыл».

Рада отвела его к окну и дала прочесть карточку. Терен не видел текста. Мирт вернул карточку, Рада сожгла её над тазом, а пепел растёрла водой. Затем сапожник положил обе руки на первую коробку.

— Вы знаете придуманное действие? — спросил Терен.

Мирт кивнул.

— Вы понимаете, что можете написать его?

Кивок.

— Вы сознательно отказываетесь писать до конца опыта?

Кивок.

Рада пустила маятник. Они измеряли всё, что могли придумать: вес коробки, температуру мела, расстояние от шарика до края стола, звук при постукивании. Ничего не менялось. На сороковом ударе Мирт зевнул. На семидесятом постучал пальцем по карману, напоминая о деньгах. На сотом открыл коробку и написал придуманное действие: «Мел должен сам вывести имя того, кто врёт».

Мел лежал на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.